ПИОНЕР

июль

№ 7 июль 1948 г.

пионер

Ежемесячный детский журнал-Центрального Комитета ВЛКСМ

В этом номере вы прочитаете о великом садоводе И.В. Мичурине. Советские ребята продолжают дело Мичурина: они заботливо выращивают деревья, посаженные своими руками. На этом снимке вы видите юннатов Чоботовской школы Юлю Ребикову и Галю Булычеву. Они внимательно рассматривают цветы яблони: нет ли на них вредителей, которые могут погубить урожай.

Рис. В. Цельмера

Вспыхнуло зарево Между стволами, Выросло Яркое, Жаркое Пламя. То загудит оно с ветром Под ёлками, То запоёт, То сучками защёлкает, То над землёй, Словно знамя, парит. Славно Костёр пионерский горит! Тесно уселись мы Возле костра. Так бы сидеть и сидеть До утра. Веток подбросить, Огонь всколыхнуть, В будущий мир свой На миг заглянуть...

...Кружит пурга. Далёко до селенья. Встали, Рога опустили олени. Путь продолжает Доктор пешком. Стынет лицо Под большим башлыком. Доктор один Среди белых полей. С каждой минутой Шаги тяжелей. Крепко рукой он Обнял сосну, Клонит его От мороза ко сну. Северный ветер Жгуч и остёр. Чудится доктору — Светит костёр, Хворост уютно Хрустит вдалеке, Тают снежинки В тёплом дымке.

Дух переводит Вова Петров. Смотрит на пламя С волненьем отряд, Искры в глазах У мальчишек горят! Словно всё это Был не рассказ, А у костра Приключилось сейчас.

...Сонно, Вразвалку Верблюды бредут. Пятые сутки Верблюды не пьют. Ветер песком Заметает следы. Нет у геологов Больше воды. — Стойте, друзья! Я в разведку пойду, Воду для вас Непременно найду... Ветер горячий Наводит тоску. Храбрый геолог Идёт по песку. Кажется,

Всюду завяли сады, Нет на земле Ни ведёрка воды. Высохли речки, Не быются ключи... Шепчет геолог себе: — Замолчи! Пусть тяжело По пустыне идти, Воду друзьям Он должен найти. Всё он кругом Обходил, Перерыл. Воду в песках Наконец он открыл. Вкусных, Холодных глотков...

Дух переводит Слава Гладков. Смотрит на пламя С волненьем отряд, Искры в глазах У мальчишек горят! Словно всё это Был не рассказ. А у костра

Приключилось сейчас.

...Точка — тире! Точка — тире! Землю укутал туман На заре. Громко Мотор громобойный поёт. Девушка-лётчик Сигнал подаёт. Как отыскать ей Площадку вблизи? В баках Уже на исходе бензин. Пять пассажиров — Пять жизней за ней. С каждой минутой Опасность сильней, — Лётчику Падать духом нельзя! Помни: На Родине всюду друзья... Точка — тире! Точка — тире! Радиоволны Летят на заре. Волны торопятся, Медлить нельзя! Вас самолёт вызывает, Друзья! Время проходит, И вот Между гор В мутном тумане Зарделся костёр. Ручку штурвала Сжимает ладонь. Лётчик машину ведёт

На огонь.

Мягко Вприпрыжку Бежит самолёт. Травка колышется. Кончен полёт. Трудности все Позади далеко...

Нина Смирнова Вздохнула легко. Пламя бушует. Искры парят. Щёки у девочек Жарко горят. Словно всё это Был не рассказ, А у костра Приключилось сейчас.

Пламя по веткам Взбирается медленно. То оно Алое, То оно Медное, То еле дышит, Свернувшись в калачик, То вдруг проснётся И снова маячит, Жарко Под самыми кронами дышит...

Только Мечты наши Ярче и выше!.. Скоро отбой Протрубит нам рожок. Сядем поближе В тесный кружок. В светлой стране Довелось нам родиться, Всё, что задумаешь, Здесь совершится: Доктором будет Вова Петров, Будет геологом Слава Гладков, Лётчиком будет Нина Смирнова -Сдержит она Пионерское слово!

Что-то притихло Пламя костра. Так бы сидеть и сидеть До утра... Что же, подбросим Бересты и веток, Чтоб разгорелся Костёр напоследок, И заберём напоследок По искре, По негасимой, По жаркой, По быстрой, Чтобы она нам В дороге светила, Чтобы её На всю жизнь нам хватило!...

Побудка

Рассказ и рисунки Георгия Бударова

Волнение с каждой минутой охватывало меня сильнее и сильнее. Я поминутно выбегал на верхнюю палубу парохода посмотреть, когда же, наконец, покажется родное село, в котором я не был двадцать лет и куда ехал теперь в отпуск.

Винт парохода монотонно стучал; в ритм стука бесконечно возникали в памяти одни

и те же строчки:

«Я оттуда, где клубится Беспредельный Енисей... Я оттуда, где клубится...»

Детство моё прошло на берегах этой реки. Меня тянула сюда не только буйная природа родных мест, но и желание разыскать старого друга моего детства, Степана Никифоровича Лукина. Я рос круглым сиротой, и самым близким мне человеком был дедушка Степан, одинокий рыбак, приютивший меня. Я давно ничего не энал о его жизни, как, вероятно, и он о моей. Может быть, старик и изабыл меня: мало ли около его доброты ютилось ребятишек за длинную жизнь. Здесь ли он? Получил ли мою телеграмму?.

Гудок парохода прервал мои воспоминания. Я выбежал на палубу Пароход сбавил ход, и в наступившей внезапно тишине раздался голос лоцмана: «На барже, держать лево!» Пароход сделал поворот... Два коротких свистка... И тенорок матроса, измерявшего глубину, пронзительно запел: «Пять с половиной, пять, четыре с половиной!» Я перешёл на другую сторону палубы и, остановившись у поручней, стал вглядываться в вереницу людей, идущих к пароходу. Женщины с вёдрами овощей, с корзинами ягод, с туесками молока, ребятишки с мешками кедровых шишек шумной толпой заполнили пристань. Аязг цепи, и якорь, поднимая каскад брызг, с грохотом сорвался в воду. «Держи конец!» Со свистом, развёртываясь из брошенного кольца, бичева с «лёгостью» на конце полетела на берег. Двое подростков подхватили её и потащили к причалу.

Пароход пришвартовался, пассажиры по трапу поганулись на пристань. Я увидел на берегу в толпе седую бороду, которая оттепяла коричневое от загара лицо старика. Он, улыбаясь, что-то кричал и размахивал руками, но в шуме толпы слов разобрать было невозможно. Однако в его улыбке показалась мне что-то родное. Я кинулся вниз, быстро сбежал по лестнице в каюту, захватил чемодан и, протискиваясь сквозь толпу, сошёл на белег

 Я, парень, не так глазами, как нутром почуял, что это ты! - кричал дед, пробираясь

ко мне навстречу.

То же лицо, что и двадцать лет назад, встречало меня ласковой улыбкой, только теперь оно было обрамлено не тёмнорыжей, а селой боролой. Дел одной рукой обнял меня, другой старался взять мой багаж, но я поднял на плечо свой чемодан, и мы стали выбираться из толны.

 Получил твою депешу, вот и выехал встречать. Шутка сказать, двадцать лет не видались, а за это время дела-то как обернулись, — радостно возбуждённо говорил дел. — Ведь мы, парень, не здесь теперь живём, а там, — он указал на правый берег Енисся.

Я увидел на противоположном берегу ряд домов, блестевших под ярким солнцем све-

жими брёвнами.

Мы подошли к лодке, приткнувшейся к берегу немного выше пристапи. Дед Степан привычным движением колена оттолкнул её, другим коленом встал на корму и ловко перекинул ногу через борт. Как ни сопротивлялся Степан Никифорович, я сел за вёсла, и мы поехали в новое село.

- Как назвали свою новостройку? - спро-

сил я

Раздольное. В один год построились.
 Лес под рукой, земля жирная, а самое главное, не топит. В Казачьем что ни год весной топило. А здесь истинное раздолье. На весёлом месте построились, и живём ладно.

- Ссуду получили?

 Нет, мы и не просили, свои средства нашли.

- Ишь ты, какие богачи!

 А ты с нами не шути: как ребята с фронта пришли, облюбовали это место и решили основать новый колхоз фронтовиков.
 А ты-то как попал в компанию фронто-

виков?

— Да ведь колхоз-то у нас не только клебный, а и рыбный, ну, а кто этот промысел лучше меня знает по Енисею? Вот и сошлись мы на этом. А тут как раз пади мне на ум одно дело... Должен бы ты помнить, как в старое время ездил я, бывало, от Сахатова или Петухова работником на побудку в Казачинские пороги. Помнишь ли?

 А как же, очень хорошо помню. Сколько раз просился с тобой, да только ты ни разу

меня не взял.

— Не детское это дело — ездить на побудку. Столнотворение вавилонское...— дед задумался. — Ну да как тебе не помнить: ведь за месяц, бывало, всё село только и толкует что об этом. Да на целую неделю и после побудки разговоров жватало. Только бедному человеку туда можно было поехать работником от какого-нибудь богатея, а самому не по средствам поднять такое дело. Да и не на промысел туда ездили, а только потешить свой азарт.

 Растолкуй ты мне про эту побудку, слышал я про неё в детстве много, а представ-

ления и до сих пор не имею.

— Видишь ли, Казачинские пороги тянутся тремя перекатами, почитай, на шесть километров. Между первым и вторым перекатами на правом берегу стоит Стог — камень с двухэтажный дом вышиной, а от него идёт в реку гряда скал, а под этой грядой затишье и яма страшной глубины, ну, примерно метров семь-восемь. Вот к осени в эту яму поднимается с низовьев Енисея красная рыба — осётр и стерлядь, — по-нашему сказать, на жировку. И такое множество здесь её набивается, что стоит она рядами вплотную одна к другой в несколько

ярусов.

В те поры арендовал эту яму красноярский купец Гадалов. Сколько он платил за аренду, я уж не могу тебе сказать, но сам брал за поставку сетей с одной лодки по сто рублей. А расходы его только и были, что содержал сторожа, которому давал строгий наказ стрелять в каждого, кто появится на этой яме до срока. Срок же был двадцатого сентября. Вот к этому дню и съезжались, почитай, со всей губернии рыбаки... Ну, не рыбаки, сказать прямо, а имущие люди, кто и сети-то держал ради самого этого дня. Либо уж приезжали отчаянные головы, кому интересно было на порожинских перекатах показать своё удальство. Ведь удальство в сибиряке природное, его и раньше непочатый край был, да только не в ту сторону оно было направлено. Героев мало выходило, больше озорников. Наезжал и я на побудку. За всю жизнь раз десяток - от Петухова либо от Сахатова. Платили за эту работу порядочно, если улов хороший был. Случалось, что до двадцати пудов на лодку ловили рыбы, ну, а больше того распугивали. Недаром назывался этот день «побудка»,значит, будили рыбу.

Все съезжались в деревню Порожинскую, что на левом берегу, немного выше первого переката. Пониже стоял туер; он на цепях спускался к нижним перекатам и поднимал через пороги пароходы. Между деревней и стоянкой туера была площадка; здесь все рыбаки собирались и вытаскивали из шапки уполномоченного билетики с номерами, тут же платили положенные сто рублей, а к заходу солнца все переплывали на правую сторону, к яме. Там по берегу были воткнуты колышки с номерами, по этим номерам и расставлялись лодки, да так плотно, что вёсла одной доставали до борта другой. Собиралось всего лодок до пятисот. Тихонько рыбаки набирали сети на лотки. кто по одной, кто по две, а кто и по четыре - у кого какое было оборудование. Сети-трёхстенки, по сторонам решь для осетров, а в середине частик для стерляди. На конце, конечно. груз и поплавок какой-нибудь фигурчатый либо в яркую краску окрашенный, чтобы заметнее был.

И вот, братец ты мой, как только солнышко закатится за вершинки деревьев, со Стога раздаётся выстрел. И тут в один момент лодки, обгоняя одна другую, на полный ход несутея от берега. И такой крик поднимется, что, бывало, не слышно порожинских бурунов. Каждый рыбак старается вырваться из рядов и загородить путь другому, чтобы его сеть опустилась на дно первой: ведь чья сеть раньше опустигся, в той и рыбы будет больше. Один норовит у соседа столкнуть лоток с сетью, а тот бьёт его веслом, другой рубит топором вёсла тем, кто его обгоняет, третий режет ножом размётанную через его путь сеть.

И вот, братец ты мой, такая кутерьма илёт до тех пор. пока не размечут сети. После этого начинается стрельба холостыми зарядами, в одиночку и заллами, чтобы рыба с испугу металась. Потом всё затихало, а лодки снова пересекали пороги, и начиналась гулянка. В тёплую ночь собирались у костров под кустами, в холодные - по деревне расходились. И что тут подымалось! Пили вёдрами, стенка на стенку не то что с кулаками, а с кольями ходили. И так всю ночь. Ни одному человеку, кроме сторожа, не разрешали оставаться на яме. Назавтра же туда съезжались гости со всей губернии. Опять вся громада лодок перемахивала пороги. Буруны тут злые, люди в пьяном азарте пренебрегали опасностью, ну и случалось, конечно, перевёртывались лодки. Тонули люди и спасенья не ждали: каждый рыбак только о себе думал.

Это, парень, ещё пветочки, а ягодки начинались на выборке сетей. Там уж сущий ад поднимался. Попадёт осётр пуда на четыре, запутается в трёх - четырёх сетях, - разбирайся, чей он. Вот и пойдёт! Один, допустим, тащит осетра в лодку, а на нём две-три сети чужих; он начинает резать их ножом, чтобы освободить свою, хозяин увидит этои пошла драка. Тут уж, бывало, и до смертоубийства доходило. Ну и смешного немало случалось. Помню, раз был такой случай: поехал я на побудку с Сахатовым - богатый был мужик по нашим местам, три сети имел для побудки. Ну, поставили мы их тихо, мирно, назавтра вместе со всеми поехали на выборку; я сижу за вёслами. Подъехали ч поплавку, ухватился он за него и начал выбирать. Выбрал сажён пять, вытащили осетра да стерлядей десятка два. Вижу, натянулась сеть и дёргает её: подходит к борту осётр, и подходит хвостом. Ухватил его хозяин багром и ну втаскивать в лодку. Рыба большая была: пол-аршина хвоста перевалило за другой борт, а головы ещё в воде не видно. Сахатов вошёл в азарт, бросил сеть и обеими руками за багор ухватился. А дальше и тянуть некуда, надо перехватывать крюком поближе к голове. Осётр из сети голову вытащил и забился. Хозяин бросил багор и в охапку его схватил, да разве удержишь: рыба скользкая, сильная, вырвалась и ушла. Он так озверел, что на меня накинулся: чего, мол, не помогал? А чем я могу помочь, когда обе руки вёслами заняты? Ну, ладно, начали выбирать дальше. Опять подходит осётр, да не один, а два сразу, только намотали они на себя ещё чьи-то сети. «Ну, - говорит, - эти уж будут мои». Завалил одного осетра в лодку, а другого не может: чужие сети не пускают; вот он выхватывает из ножен финку и начинает резать их. Увидел это хозяин сетей: «Ты что, варнак, мои сети режешь?» «А ты не закидывай на мои!» - закричал ему мой хозяин и стал втаскивать второго осетра, а тот своему весловщику приказал: «Греби изо всей силы...» И понеслась лодка на нашу. Я кричу Сахатову, держись, мол, а он ничего и слышать не хочет. Как ударит тот носом своей лодки об борт нашей, так мой хозяин и был таков: нырнул головой в воду. Только вынырнул, ухватился руками за

борт, а супротивник его веслом по головеон опять под воду, только вынырнет — тот
опять его веслом. Я отъехать хочу, гребу
изо всей мочи, а сети не пускают. Вижу: до
смерти забъёт. Схватил топор, отрубил сети,
втащил. Сахатова в лодку — и на берег.
А кругом, смотрю, столпотворение. Места нет,
где бы не шло побоище. А на Стогу толпа
разряженная стоит: тут и чиновники, и
кущы, и барыни из города понаехали—
глядят да хохочут. Вытащил я своего Сахатова на берег, а он чуть тёпленький. Думяю:
довезу ли домой живым—го? Очухался, однако, и не только не заплатил за работу, а ещё
высчитал за порезанные снасти. Вот она какая побудка была.

Пока старик рассказывал, мы, не торопясь, заходили около берега вверх по течению. Потом переехали в протоку и пошли вдоль

острова.

 Вот дойдём до верхней изголови острова, а там перемахнём Енисей и пристанем против Раздольного. Если хочешь, парень, так садись на корму,— я погребу.

 Да нет, это мне в охотку. А ты расскажи, дедушка Степан, кто теперь владеет

ямой.

— После революции она долгое время оставалась ничьей. Никто не караулил. Кому не лень, всё лето и ловили помаленьку, не давали собираться рыбе. Вот и пало нам на ум собрать артель да учредить надзор с самой весны, чтобы до поры до времени не пугать рыбу, а копить до осени. Тут как раз и наш колхоз выделился на выселки. Послали меня представителем вместе с председателем колхоза в Краспоярск отхлопатывать яму в наше колхозное владение.

«Сколько,— спрашивают, — можете заготовить рыбы?» — «Десять тысяч пудов, — говорю,— живым весомі...» Так вес со смеху и покатились: «Да что ты, дедушка? У нас в Туруханский край ездят артели на вей лето, да и то на полную-то артель хорощо, если пять тысяч пудов добудут. А тут под носом хочешь десять тысяч добыть за одну неделю». «А вы, — говорю, — пишите бумагу да заготовьте нам тары и соли не

меньше, как на десять тысяч пудов, а осенью увидим». Ну, написали мне вее бумаги, заключим договора на заготовку рыбы, тары и прочего — и вступил наш колхоз во владение Порожинской ямой.

— Да как же ты мог подписать договорное обязательство на десять тысяч пудов?—перебил я деда.— Откуда ты мог знать, что столько поймаете?

 А ты прикинь. Если прежде на побудке худо-бедно на круг по десять пудов ловили, сколько это выйдет?

Если на пятьсот лодок считать,
 то пять тысяч пудов выходит.

- Вот то-то и оно-то!

— Так почему же ты, дедушка Степан, десять тысяч обещал поймать?

 А сколько её помимо сетей уходило? Много-много что четвёртую часть ловили.

- А разве можно было больше поймать? - Поймать-то можно было, только никому до этого дела не было. Ведь Гадалов что? Каждый год положит в карман пятьдесят тысяч, а там хоть трава не расти. А теперь, панаша власть интересуется, чтобы каждый злак на пользу человека был. Ну, мои фронтовики, брат, не испугались, что десять тысяч пудов поймать надо. Раз есть рыба, значит, поймаем. Работой у нас никого не испугаешь. Да вот спроси Григория, как они переходили Днепр. Вода, говорит, студёная, со льдом. Переправу навели, а утром её разбило. Надо опять забираться в воду, а немец из орудий по переправе быёт. Так разве отступились? Навели и пошли немцев колошматить так, что клочья полетели. Ты мне скажи: кто таран выдумал? Наши люди. Кто неприятельскую бойницу своим телом закрывал? Наши люди. Да разве с ними пропадёшь?!- восхищённо сказал Степан Никифорович. - Одно слово - орлы! Москву отстояли, Сталинград отстояли, Берлин взяли - вот это была задача! А рыбу поймать куда легче.

- Так неужели ты со своей артелью де-

сять тысяч поймал, как обещал?

— Тут у нас маленькая ошибка вышла, парены гадали мы поймать десять тысяч, на это количество и заготовили бочек, соли и прочего. А поймали-то... двенадцать тысяч. Вот тут пришлось повергеться. Осетров сажали на куканы, а для стерлядей плели из тальника садки. Кое-как справились. Спасибо, подвезли холодильники на пароходе. Ну, а теперь-то нам не верят: если говорим, поймаем, мол, десять тысяч, заготовляют тары на двенадцать. Вот с этого и пошёл богатеть наш колхоз. Теперь у нас и машины, и лошади, и у каждого дом новый, и в доме не пусто.

- Каким же способом теперь ловите?

 Скажу тебе, старый я человек и повидал на свете немало, а то, что придумали мои фронтовики, — это...

Что же это: больно хитрая выдумка?
 В том-то и штука, что простая, но, как говорится, не нашего старого масштаба. Ну,

Только вынырнул хозянн, а супротивник его веслом по голове

да чего я буду забегать вперёд? - дед хитро улыбнулся. - Через три дня двадцатое сентября по старому стилю. Мы с этого дня и начинаем лов. Поедешь с нами - и сам увидишь. А теперь вот и верхняя изголовь острова, давай-ка махнём через русло.

Я снял шляпу, расстегнул ворот рубашки, и через пятнадцать минут мы приставали у

нового колхоза «Раздольное».

На высоком плоскогорье выстроились в один ряд новые дома с большими окнами, с надворными постройками, радующими глаз своей домовитостью.

Внизу клубился Енисей, сзади за домами подымалась дремучая тайга, а вдоль берега большими прямоугольниками - то чёрными,

поля колхоза.

то зеленеющими озимью - виднелись новые - Верно, на весёлом месте построились,сказал я.

Дед, горделиво покрутив усы, ответил:

- Помяни моё слово: через два-три года всё старое Казачье переедет сюда. Вот уже на будущий год переезжает двадцать семей. Ты погляди: чем хочешь, тем и занимайся. Тут тебе и лесной промысел, здесь тебе и рыбная ловля, на розгари хоть тысячу ульев разводи пчёл, а земля какая: как масло!

Когда мы вошли в пахнущий сосной новый дом, навстречу нам появилась молодая

женщина.

- Вот, Натальюшка, к нам гость. А это моя внучка - такая же «сродственница», как и ты. А вот её муженёк, - он показал на вставшего из-за стола красивого парня в военной гимнастёрке, без погон, но с длинным рядом орденских ленточек на груди. — А это тот самый «внучек», от которого я третьего дня депешу получил, - представил меня Степан Никифорович. - Ну давай, Натальюшка, что есть в печи, всё на стол мечи.

Наталья вышла на кухню, а парень приветливо подошёл ко мне и протянул руку:

Мы подошли к ковшу - немудрому сооружению из кольев с заострёнными концами.

- Григорий Казанцев.

- Вы, вначит, тоже «внук» Степана Никифоровича?

- Такой же, как и вы, - доверительно ответил Григорий. - Вы были внуком до революции, меня же приютил дедушка Степан во время гражданской войны, когда погиб мой отец. Ну, и теперь вот живём вместе.

- Вот под старость и у меня семья,-

растрогался Степан Никифорович.

Через десять минут стол ломился от изобилия сибирских яств: солёные рыжики, маринованные прузди, свежепросольная рыба, большой окорок копчёной медвежатины, наливные шаньги, - всем этим потчевали меня радушные хозяева.

К вечеру в дом деда Степана стали собираться колхозники. Предстояла побудка, проведение её лежало на Степане Никифоровиче. Председатель колхоза в эти дела не вмешивался, доверяя опыту старого рыбака. В этот вечер я познакомился со всей рыболовецкой бригадой.

Занявшись хлопотами по предстоящей поездке, дедушка предоставил меня самому себе. И на другой день с утра я отправился

с ружьём на охоту.

Выйдя на улицу, я сразу обратил внимание на большой квадратный участок тайги, оставшийся у самого посёлка. Мне рассказали, что это место будущего парка. Я пересёк его и вышел к огромному скотному двору, устроенному по последнему слову техники, с водопроводом, проведённым от артезианского колодца.

Я решил выйти на поля, чтобы у хлебных кладей поохотиться на тетеревов, прошёл по тропинке между огородов и скоро оказался в поле. Влево шли озимые поля, перемежающиеся с полями красного клевера, а справа длинной полосой щетинилась жнива. Кладей же нигде видно не было.

Навстречу мне с брёвнышком на плече шёл Сергей Берёзин, один из рыбаков, собиравшихся вчера у деда.

- Где же у вас хлебные клади? - обратился я к нему.

- Клади? Да их у нас теперь не бывает.

- Почему?

- Мы ведь комбайнами убираем хлеб и солому сразу отвозим на соломорезки. С уборкой у нас уже давно покончено, и пары подняты, и хлеб мы первые сдали, - с гордостью объяснил Сергей.
- Значит, теперь и на тетёрок поохотиться негде?
- Зачем «негде»?! Пройдите вот на ту сторону поля и станьте под деревом у межи через десять минут целой стаей вылетят из тайги и спустятся на жниву.

- А почему у вас никто не охотится?

- Всему своё время. Сейчас у нас все заняты приготовлением к побудке. Вот сухостойное дерево для наплава несу. Да мы на тетёрок и не охотимся с ружьём, - перебил себя Серёжа. - Мы их живыми ловим целыми сотнями.
 - Как же это? Да ковшами!
 - Ковшами?
 - Ну да, такие ловушки. Да вон один ковш

стоит. Правда, он не заправлен, но понять

его устройство можно.

Мы подошли к немудрому сооружению. Десятка два кольев с заострёнными концами усечённым конусом, раструбом кверху, были скреплены черёмуховыми прутьями, а внизу, около земли, было небольшое отверстие.

— Сверху между кольями на верёвочке укрепляется небольшой обруч, на него накладывается круг из соломы с колосьями овса, — начал объяснять Серёжа. — Тетёрки седятся поклевать овёс, круг поворачивается боком, тетёрка и адает в ковш, а к нижнему отверстию подставляется ящик-шесток, как для куриц, ну и набирается их за день штук до полеотни.

— Так ведь первая же тетёрка собьёт

круг, и его опять надо настраивать.

— Нет! Зачем же? Круг так подвешен, что, как тетёрка упадёт, он принимает прежнее положение.

Ну это уж не охота, а хищнический промысел.

— Мы получили специальное разрешение на такой лов, потому чтс цель наша—не уничтожать птицу, а разводить, и мы опыт проводим выращивания домашней породы тетёрок и косачей. Обратите внимание: за помещением, где стоят сельскомозяйственные мапины, из проволочест сетам следана огромная клетка—это для них.

- Да зачем вам понадобилось выводить

новую поролу?

 Во-первых, мясо вкусное, а вс-вгорых, дикая пти на морозов не боится. А вы, если колите настоящей охоты, ня медверя сходите, улыбнулся Серёжа, или вот поплывём на побудку, в пороги будем спускаться — вот это спорт!

 С хлебом вы управились, через десять дней закончите побудку, что же потом де-

лать будете? - спросил я.

 Самая интересная работа пойдёт: лесной промысел, добыча кедровых орехов, выгонка смолы, а там и охота до самого глубокого снога.

Мы расстались. Серёжа пошёл в колхоз, а я пересёк поле и направился к опушке леса. К обеду я вернулся обратно с полной сумкой тетёрок и косачей.

Три дня жизни в колхозе прошли незаменю. Я наблюдал радостный, творческий труд и всё больше убеждался, что колхозники Раздольного верят в будущее и строят

жизнь по большой мерке.

В назначенный день Степан Никифорович разбудил меня чуть свет. Туман тонкой пеленой полз по реке. Весь колхоз был в выжении: одни на катках спускали к Ениско две громадные лодки, другие осторожно несли к берегу длинную сеть. На лошади, запряжённой в телегу, спускали по взвозу невод и «боты» – прикреплённые на длинных шестах конусы из листового железа. Женщины устанавливали около спущенных на воду лодок провизию в мешках и берестяных туесах. Во всей этой деловой суголоке была какая-то приподнятость, как будто лоди ехали на праздник.

Мы сели в лодки и стали пересекать Енисей, спускаясь к пароходной пристани. Снизу подошёл пароход, пришвартовал обе лодки за кормой баржи и потянул нашу флотилию вверх по Енисею. Перел нами проплывали мелорые скалы, гозовые под лучами утреннего солнца и фиолетовые в тени, увенчанные тёмнозелёными шенками кенров. По опушке зелень кедов была оторочена жёлтой, оранжевой и багряной листвой кустов. Тронутой осенними замогозками.

По бушующим перекатам порогов нас поднял на своей цепи туер, и мы вышли на широкий простор гладкой воды Енисея.

- Зачем нас выше переката подняли? -

спросил я Серёжу.

- А если ниже отненить, то течением снесёт вниз и в яму мы не попадём! - ответил он.

Сапись за вёсла! — скомандовал дед Степан. — Отдай концы! — крикнул он в берестя-

ный рупор на баржу.

Счастанво! Ни пуха ни пера! – ответи-

ли с баржи и отцепили концы.

Лодка деда повернулась носом вниз, вслед за ней повернул свою лодку Григорий Казанцев. Обе лодки с головокружительной быстротой скользнули по наклонной плоскости

воды к бушующему перекату.

С бешеной стремительностью приближался бельй гребень пени. Нас на момент подняла вверх волна и сейчас же бросила влево, но дед Степан, сидящий на корме, всем телом навалился на рукоятку руля и выровнял движение лодки. Высоко подняв голову, он напряжённо вглядывался вперёд, определяя русло слива воды, по которому направлял «посудину», Вдруг лодка снова взлетела на волну, и мы покатились вниз, словно на сетиках с ледяной горы... То слева, то справа мелькали среди белоснежной пены чёрные вершины скал. В нашей лодке за вёслами сидели Василий Кузнепов и Ваня Степанов. Лица у них были весёлые и даже восторженные: вот, мол, она какая, наша Сибиръх

- Держись, ребятушки!..

Рокот, похожий на гром, заглушил голос деда. Перед нами поднялся двухмстровый вал, покрытый пеной. Вода пузырилась и кипела, как в огромном котле. Степан Никифорович наискось валу направил лодку... Накренившись набок, она черпнула через борт, но перескочила перекат, ткнулась носом в бугор кипящей пены, поверинула вираво, и мы вышли на гладкую, безмитежно тихую воду Порожинской ямы. Перед нами возвышался техносиний гранитый Стог.

 Тихо, ребята, — шопотом сказал дед, и рыбаки, еле шевеля вёслами, подвели лодки

к основанию Стога.

— Ну, ребята, за дело, спускайте «сторож». Рыбаки делали всё без лишней суеты, но ловко и быстро, как давно знакомое дело. Ваня Степанов на длинную просмолённую верёвку, именуемую «сторожем», наяняза конец сети; Григорий к нижнему концу привязал тяжёлый куслж железа с четырьмя крюками и опустил на дно; Василий к верхнему концу прикрепил «наплав» — сухой кусок дерева, выкрашенный в красную краску. Наплав привязали верёвкой за выступ скалы и начали разматывать сети.

 Да как же вы осетров поймаете в такую сеть? – не вытерпел я. – Ведь реши нет,

один частик.

Певод подкягивали к берегу и черпали до тех пор, пока рыбы в нём не оставалось.

 А мы, парень, в эти сети не ловим, а загораживаем ими выход рыбы из ямы. Это Василий придумал и назвал «огненным валом».

Когда выметали всю сеть, дед Степан передал Григорию кенец её. Тот умело пришил его к своей сети и продолжал вымётывать. Так всё пространство ямы было обмётано километровой сетью. Нижний конец её так же, как и верхний, укрепили на берегу.

Обе лодки подъехали к берегу. Развели костёр. Навесили чайники с водой, котёл с мясом и стали переносить провизию и одежду в срубленую невдалеке от ямы избушку с двумя окнами, кирпичной печкой и нарами человек на пятнадцать. В этой избушке в ожидании побудки жили два старика-караульщика.

После обеда Степа і Никифорович вместе со мной пошёл на пловучий рыбный завод.

— Вот, парень, раньше, бывало, завидовали тому, у кого на побудке четыре сети: богач, мол. А теперь ты посмотри на наше оборудование.— сказал дед, показывая на стоящий метрях в двухстах ниже ямы, в глубокой протоке за островом, огромный лихтер с двумя паровыми лебёдками.— Ты осмотри эту махину пока, а я тем временем поговорю с директором.

Сопти бочек, приготовленных для засолки рыбы, длинный обитый цинковым железом стол, огромные баки сразу показывали, что тут большое предприятие. Четыре моторных шлюпки были спушены на волу.

 Давай, парень, садись, в шлюпку, поехали на яму! – крикнул мне дед.

Загудели моторы, и четыре шлюпки понеслись вверх. Григорий и Василий с товарищами на двух лодках стояли посредине ямы

с приготовленной к размётке сетью. В каждую моторную лодку сели по два рыбака с «ботами» под общей командой Вани Степанова. Моторки полошли к самому Стогу, растянулись цепочкой поперёк ямы, и рыбаки начали «ботить» - с силой вонзать в воду железные конусы на шестах, производя оглушительный шум. Рыба заметалась около Стога и поднялась со дна ямы на поверх-Мелькнули жёлтые ность. брюшки осетров, заплескалась вода под ударами хвостов, и всё «юро» рыбы опять скрылось в глубине, удаляясь от Стога. Шлюпки загоняли испуганную рыбу в нижнюю, более мелкую часть ямы. Рыбы было такое множество, что, как говорится, она воду на себе несла. Когда по каким-то приметам Степан Никифорович удостоверился,

что вся рыба с глубокого места ушла, он дал знак Григорию, и тот быстро разметал поперечную сеть и тем самым преградил обратный ход рыбе.

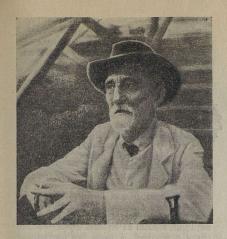
 Ну, пастухи, загнали стадо во двор, давайте закидывать невод, весело сказал дед, когда поперечная сеть была размётана.

Закинули невод и с трудом подтянули «упи» его к берегу. Невод был полон осетров и стерлядей, от тесноты они уже не плавали, а только клестали по воде хвостами. В течение пятнадцати минут все четыре шлюпки были доверху наполнены рыбой и побежали к рыбному заводу. Там их подняли на лебёдках, высыпали рыбу в баки, и лодки пошли за новой партией. Когда рыба в неводе начинала редеть, его подтягивали к берегу и опять черпали до тех пор, пока рыбы в неводе не оставалось. Потом закидывали следующую тоню. Так целых шесть дней продолжалась эта удивительная рыбалка. Пятнадцать тысяч пудов красной рыбы было выловлено в течение одной недели. Никогда мне не приходилось видеть более грандиозного зрелища, чем эта рыбная ловля.

Побудка кончилась. Радостный, возбуждённый Степан Никифорович распоряжался погрузкой снастей и рыбы, выделенной кол-

XO3V.

— Ты смотри, парень, какая благодать,—
показывал он на пятипудовых осетров, которых рыбаки опускали в эгромный садок,
привязанный за кормой лодки.— Да разве
при Гадалове на пятьсот лодок ловили столько, сколько мы на две поймали? А почему?
За распри да азарт платили ему деньги. А
мы дружбой да трудовой смекалкой осилили
тель за богатство.

ЗЕМЛЯ В ЦВЕТУ

В. Сафонов

том краю, где родился Иван Владимирович Мичурин — в Пронском уезде, Рязанской губернии, - тихие провинциальные домики почти все окружены палисадниками, и многие сёла издали кажутся взору-

путника зелёными облачками. Из рода в род переходили в семьях любовь к земле, искусство саловничать

Но что росло в садах, с любовью взращиваемых поколениями людей? Яблоки — антоновки, анисы, боровинки, терентьевки, - груши - бессемянки и топковетки, — владимирская вишня. Вот и всё. Такие сорта можно было найти ещё в «садовых списках» времён Василия Шуйского.

И. В. Мичурин служил конторшиком на станции, потом проверял и чинил железнодорожные часы. У него были золотые руки. Но не техника предышала его. Его тянуло к земле, к глиняным горшкам, от которых тесно было в домике, к крошечному саду подле, где осенью тяжелели, оттягивая ветви, румяные плоды.

Когда саловод-любитель И. В. Мичурин купил у слоболского пона клочок бросовой земли на берегу реки Лесной Воронеж, в кармане у нового землевладельца осталось семь рублей. Растения из города, за много вёрст, семья перетаскала на плечах. И зажили совсем робинзонами: в шалаше.

Мичурин заботливо выхаживал каждое деревпо, мечтая сделать родину прекрасным цветущим

салом.

«...Я видел лишь одно — необычайную для других стран и для нашего юга белность среднерусского плодоводства вообще и белность ассортимента в особенности».

Пусть же к скудости жизни не прибавляется скудость природы. Упорно, упрямо нищий садовладелен взялся за работу на своём новом лоскутке земли.

На что он рассчитывал? Откуда ждал помощи? Уже долгое время спустя, подводя итог своему трилцатитрёхлетнему труду на земле, он писал, что встретил «почти ноль внимания со стороны общества и ещё менее от правительства... А о материальной поглержке и говорить нечето».

Прошли ещё годы, и среди всех, причастных к садоводческому делу, пошёл, разнёсся и укренился слух о замечательном мичуринском саде. Передавали какие-то невероятные вещи: будто зрели там яблоки в полтора фунта весом; будто с лета и до поздней осени хозяин собирает в том салу разные плоды, какие не растут и в Крыму.

Только власти и чиновники попрежнему ничего не хотели знать об этом.

Но слишком огромным было то, что делал Мичурин, слишком очевидно из ряда вон выходяшим. И слава постепенно всё крепла, далеко несла его имя. Она перенесла его за океан. И Мичуриным заинтересовались американцы.

Зима 1898 года, небывало суровая зима, опустошила американские сады. Вымерзли, погибли все сорта вишен. Все сорта! Песятки тысяч деревьев. Кроме... одного сорта. Вишня «плодородная» Мичурина, которая была в нескольких садах, перенесла эту зиму как ни в чём не бывало.

Профессор Мейер, посланен департамента землелелия США, едет в Козлов.

Не продаст ли мистер Мичурин свой питомник? Странно: этот мистер Мичурин кушает тюрю на своей пустоши, но ничего не хочет продавать.

Илут опять голы.

... А не захочет ли кудесник мистер Мичурин сам перессчь Атлантику? К его услугам целый пароход. А там, на американской земле, доллары, плантапии.

II опять Мичурин не вступает в переговоры.

Для Мичурина жизнь и работа значили жизнь для родины и работу на родине.

И он продолжал бороться в одиночку.

Ему было шестьлесят лет, но он работал так же, даже ещё больше, чем в юности, когда не знал, что такое утомление. И спас сад в тяжёлые годы войны, затем голода, разрухи...

1922 год. В Тамбовский исполнительный комитет пришла правительственная телеграмма:

«Опыты по получению новых культур растепий имеют громадное государственное значение. Срочно пришлите доклад об опытах и работах Мичурина (Козловского уезда) для доклада председателю Совнаркома Ленину. Исполнение ге-

Лату этой телеграммы — 18 февраля 1922 года — можно считать днём открытия Мичурина для нашей страны и для всего человечества.

Мичурин прожил ещё тринадцать лет. Но самы замечательная часть совершённого им падает на эти годы. Вот свидетельство самого Ивана Владимировича об этом:

«У меня... был крохотный приусадебный участок с гибридами, не находящими себе применения— по той бесславной причине затирания и забиевия, которые свойственны были царско-помещеньему строю. Тенерь и — директор крупнейшего, единственного в мире по своему содержанию научно-исследовательского учреждения, располагающего илощадью в несколько сотен гектаров, многими сотиями тысяч гибридов... Большевистская партия и советская власть сделали всё для процветания начатого много дела».

В 1932 году исчез с карт город Козлов. Он стал Мичуринском.

Подошло восьмидесятилетие жизни и шестидесятилетие творческой деятельности самого замечательного гражданина этого города. Вся страна отметила этот день. А перед юбиляром лежала телеграмма:

«Товарищу Мичурину Ивану Владимировичу. От дунии приветствую Вас, Иван Владимирович, в связи с шестидесятилетием Вашей плодотворной работы на пользу нашей великой Родины.

Желаю Вам здоровья и новых успехов в деле преобразования плодоводства.

Крепко жму руку

И. Сталин.»

Кабинет И. В. Мичурина.

Он ответил:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Телеграмма от Вашего имени явилась для меня выкшей наградой за все восемьдесят лет моей жизни. Она дороже мне всяких иных наград.

Я счастлив Вашим великим вниманием.

Ваш И. В. Мичурин.»

о всех концов страны ило настоящее паломинчество в чудесный сад Мичурина. Ехали тысячи учёных, агрономов, садоводов. Приезжали экскурсии студентов. Опытинки, работники хатлабораторий, рядовые колхозники...

Пёстрая толна невиданных растений встречала посетителей. Велви яблонь и груш еле выдерживали иющу плодов. Вилась лиана-актиниция, вся в сладких ягодах, полных янтарного сока. Перецки побрагались с абрикосами. Миндаль выгонял в год саженные побеги. Гроздья, похожие на виноградные, повисли на странном дереве — помеси вишни с черешней. А рядом сам прихотливый южании — виноград — шевелил на лёгком ветерке усиками и вырезными листьями.

Творец чудесного сада принимал гостей в рабочей комнате. Там между книжными полками и географическими картами стояли шкафы с гнутыми трубками и колбами, моделями плодов и слесарными инструментами. На столе микроскоп и электростатическая машина. Рядом с креслом верстак, у окна токарный станок. Но стенам висели барометры, термометры и гигрометры, а углы занимали опрыскиватели, машинки для окулировки, секаторы для обрезки — почти всё собственного мичуринского изобретенных.

> В сказках рассказывается о ведунах, понимавших птичий язык. А этот старик, с грубыми руками райочего человека, всегда подтянутый, гордо носив ший ордена, данные советской властью,—он понимал немой язык растений.

Вот растут сеянцы. Они выросли из косточек плодов, созревних на молодых ветвях дерева. Вместе с инми росли сеянцы из косточек плодов со старых ветвей того же дерева. И глаз Мичуэнна различал их.

Он знал, что совсем не всё равно, взять ли черенок для прививки с молодого деревца или со взреслого, с нижней ветки или с верхней. Вот сеянец, в котором экспериментатор смешал культурный сорт с дичком. Сначала кажется, что это — просто дичок. Но Мичурни ждёт. Он знает, что тирирода гибрида не устанавливается сразу. В нём идёт борьба. И постепенно под дикой оболочкой всё яснее проступают пужные экспериментатору свойства культурного родителя, только помноженные теперь на крепость и выносливость вольного обигателя лесов.

Каж можно говорить, что у молодого и зрелого растения одна природа? В молодом всё неустановившееся. Оно воспринучиво ко всяким влияниям. Оно похоже на ребёнка. Так легко оно может набраться и хорошего и дурного. Так легко оно, если недоглядеть, собьётся с пути, и вырастет у неопытного садовода совсем не то, что он охвидает.

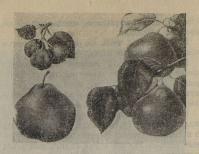
Выводя своё знаменитое яблоко «кандиль-китайка», Мичурин скрестил с «китайкой» нежный крымский «кандиль-синая». Но гибридные сеянны всё больше становились похожи на избалованного крымчанина. Тогда Мичурин привил тлазки одного из сеянцев на крону «китайки». И «китайка» по-своему воспитала своих детей. Она перебила влияние «кандиля-синана». Привитые глазки, возмужав, стали новым сортом; никакие серерные морозы больше не страшкии их.

Это был первый случай применения мичуринского способа «ментора» («воспитателя»).

А как создавался северный виноград? Мичурин называл это «спаруманским воспитанием». Он поступил обратно тому, как поступили бы все садоводы. С тучной почвы он перенёс драгоценные лозы на тощую; там они росли в крайней тесноте. Земию не удобряли, почти не перекапывали. Ведь он выращивал не неженок, а борцов, которые должны были быть закалены против всяких невзгод и трудностей.

Но когда нужно было выходить слабый сеянец, раздуть еле тлеющий огонёк жизни в бесконечно дорогом для экспериментатора тибриде от жакоговибудь смелого скрещивания, когда надо было превратить нежный росток в родоначальника новой
породы, заставить его худенькие, бесплодные веточки покрыться цветами и плодоносить, — как
же ухаживал тогда за ним Мичурин! Оп сам смешивал, сам просеивал для него почву. Он защищал его от холода, от палящего солнца, от резкого
ветра.

По одному виду, по неуловимым признакам он сразу угадывал будупцую судьбу жакого-пибудь крошечного росточка. Однажды он записал: «Частая посадка листовых пластии, короткий и толстый листоносен показывают на урожайность и крупноплодность нового сорта очень позднего созревания с плотной сладкой мякотью тёмпокрасной окраски...» И он парисовал, какой величины будут плоды. Речь шка о вишне-черещиевых инфридах, которых не видел до того ни один человек.

Вверху слева вы видите плоды уссурийской дивой групи; а под ними—нежлую южную групи;—«бере рояль». И. В. Мичурии скрестил эти растения и получил новый сорт—«бере авмено» (справа). Эта группа переносит большие морозы и даёт богатый урожай плодов, не уступающих по вкусу южным десертным сортам.

Он скрещивал растения, бесконечно далёкие друг от друга. Тыквы с дынями. Отурцы с арбузами. Вишни с черёмухой. Групи с рябиной. Малину с земляникой. Миндаль с персиком.

Если Мичурин хотел, чтобы только некоторые свойства дичка перешли к культурному сорту и укрепили, но не заглушили его, он брал пыльну с первых цветов молодого дикого деревца и опылал ею цветы на лучшей ветке старого, спльного, заороворо дерева.

Читая книги Мичурина — летописи необыкновенных нобед, — ловишь себя на мысли: да, по учебникам знал, конечно, что растения — живые существа, но только сейчас поиял это.

Мичурин задумывает добиться того, чтобы на дереве рос плод, подобный мармеладу, — слаще мёда. Скрещивает старинную «царскую грушу», которой, может быть, лакомился ещё Иван Грозный (во всяком случае, она доподлинно есть в садовых списках 1613 года), с американской «айдего». Сеянцы были высажены в самую тучную почву — речной панос. Мичурину этого показалось мало. Он не жалел удобрений для этой чёрной земли, жирной, как индъекий ил. Он прикрывал её сверх всего навозом. Ширицем вгонял под нежную кору сеянцев сахарный раствор. И так—пять лет. И сок уже первых плодов небывалой кондитерской груши на молодых деревцах напоминал густой спроп.

Мичурин назвал новый сорт «суррогатом сахара».

нчурин поставил своё дело на службу социалистическому строительству. Он хотел быть самым активным участником ого. Он некал и выполнял заказы страны. «Настало время,— сказал он,—

когда страна вправе требовать от сельскохозяй-

ственной науки результатов, отвечающих её запросам и належдам».

И он стремился, чтобы его работа стала частью общегосударственного плана.

На многих тысячах гектаров закладывались новые сады. «Поля-сады», — называл их Мичурин. И он готовит для них вишню «ультраплодную». Это деревцо во время илодоношения казалось одной сплотной винитёвой гроздью.

Гигантекая стройка охватила всю страну. Рождались города. Трубы заводов начинали дымить в пустынных степях; сказочно росли промышленные центры. То было время первых сталинских пятилеток.

Тогда возникла и стала насущно важной идея о зелёном кольце вокруг индустриальных исполинов. Одним из инициаторов и страстным поборником этой идеи был Мичурин. Но для него сказать «надо» — значило признать себя обязанным покрепить это делом. «Надо — ну вот и сделай». Зелёные кольца — но не просто зелёные, а плодовые. Фруктовые рощи, сады, аллен вокруг городов. Значаит, надо создать сорта илодовых деревьев для сурового климата Урала и Сибири. И он выводит несколько сортов карликовых вишен; он думает о вишийвых садах — об украинских вишийвых садах! — под Ленинградом.

На этом его счёт с вишнёвым родом не закончился. Он создаёт ещё одну вишню — вишню для всех. Эта должна расти всюду — и на самой тучной и на самой бедной земле. Ничето не болться и почти ничего не требовать. Плоды на ней созревают все сразу. Сразу производится и уборжа — без затяжек, с громадной экономией рабочих рук.

Сейчас всё настойчивее и неогложнее ставится вопрос о лесозащитных полосах среди колхозных полей. Мы хорошо понимаем теперь, что могут значить такие полосы в борьбе со страшным бичом — суховеями. Мичурин был в числе тех, кто давно понял веё их значение, кто пропагавдиро-

Мичуринский виноград «восточный»,

вал их, настаивал, торошил их посадку: «ведь у нас колхозный стоой!»

Но опять у него была тут свои, особая течка зрения. Почему сажают орешник да клён, вогда можно... Он предлагает свои специальные сливы, смородипу, сладкую черёмуху, вишню — «полевку». Они без претензий вовсе, не беспокойтесь и об уходе за вими, только сажайте! А урожай — урожай бунете собивать ежегодно.

В коние жизии он задумывает полную реконструкцию вишибого дерева. Незадолго до смерти он говорит ученику: «Неправильно растёт вишин. Надо, чтобы и косточка была съедобной...»

Этому ученику — ныне ленинградскому ботанику — удалось сделать по-мичурински: погрузить в мякоть вишни косточку миндаля.

Мичурин был уверен, что плоды должны и скоро «будут составлять необходимую часть питания всех трудящихся, а не только служить лакомством».

а юбилейных мичуринских торжествах американский профессор Гансен сказал:

— Ни один селекционер в мире не может похвастать столькими сортами, сколько может предъявить

тами, сколько может пред Иван Владимирович.

Мичурин вывел триста пятьдесят сортов — целый лес растений, не существовавших до него на земле.

Овою жизнь он подытожил так: «Мне удалось больше чем на тысячу километров продвинуть на север от грапищы прежних районов своего распространения самые нежные и зябине и вместе с тем самые ценные южные плоды и ягоды и добиться неолыханной проежде скороспелости их».

Иван Владимирович умер 7 июня 1935 года.

Было ясно, что созданное им — это не просто чудесный сад, не просто и толпа «сделанных» им деревьев: эта новая, небывалая наука. И наука эта самая могущественная из когда-либо существовавших наук о живом мире и власти человека над ним.

Мичуринская наука не могла умереть со своим твориом. Мичурин работал в Советской стране. Сад Мичурина — теперь наше центральное научное учреждение по плотоводству.

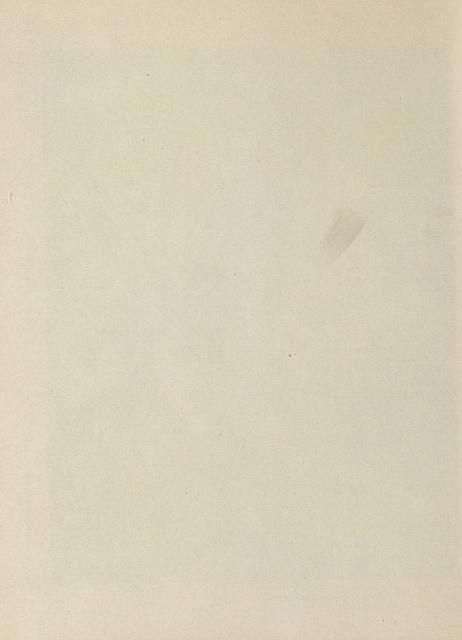
Тысячи учеников и последователей во ресх концах СССР подхватили дело самого могучего обновителя земли.

И подхватившие его дело — академики, профессора, апропомы, селевционеры, жолхозниктопытински, школьники и пионеры — все называют себя мичуринцами. Оми развивают дальше советскую агробиологическую науку, её могуществом побеждают природу и борются за то, чтобы стала наша Родина пветущим садом.

на химкинском водохранилище.

Картина Я. Титова.

Следуй совету Надежды Константиновны Крупской: «Что узнал, передай другим ребятам».

Четыре подруги

Во втором отряде нашей дружины все девочки любят спорт. Зимой они бегают на коньках и на лыжах, летом штрают в волейбол, шлавают, соревнуются в беге и шрыжках. Я попросила девочек рассказать о том, как они этого добились. И вот что я узнала.

Два года назад четыре инонерки второго отряда, четыре подруги—Мила Глуховская, Рита Варта, Нонна Жилкина и Таня Ермакова— заниматись в гимнастической секции городского Дома пионеров. «Сначала,— рассказывает Нонва,— нам хотелось самим стать более ловкими и сильными, а потом мы увидели, что можем изучить кое-чему и других девочек».

Но учить других им пришлось не сразу. Всю зиму девочки занимались в секции и только весной стали показывать на отрядных и звеньевых сборах то, что они хороню умели делать сами. А умели они уже многое, и у казкрой были любимые упражнения. Рита очень полюбила канат. Она поднимается выше всех, почти до потолка. Любимое занячие Милы—колыа. Много сложных упражнений она может проделать легко и быстро. Но в прыжках рекорд побивает Таня.

Летом прошлого года девочки закончили занятия в секции и получили удостоверения пионеровинструкторов. В маленькой книжечке написано: «Следуй совету Надежды Константиновны Круиской: «Что узнал, передай другим ребятам».

Девочки так и поступили. Осенью они оргапизовали в своей дружине гимпастический кружок. Желающих заниматься оказалось много. Одни девочки были ловкими, другие совсем ничего не умели, поэтому занятия кружка начались с лёгких упражнений, а потом девочки перешли к более трудным: научились делать «ласточку» и другие сложные вольные движения.

Когда первые трудности были побеждены, многим девочкам захотелось заниматься на спортивных снарядах. Но снаряды давно были неисправных скарядах. Но тут проявили находчивость вноверы-инструкторы. Они показали девочкам, кав можно починить старый, рваный «козбл». Торжественно выволокли они из угла на середину зала старые брусья и сами укрепням и наладиги их. Достали канат. Вот колен только не нашли. Но девочки остались довольны своими успехами. Они целую зиму тренировались на брусьях, в прыжках, в хождении по буму.

 Ладно, — говорят теперь кружковцы своим инструкторам, — вот мы за лето наберёмся сил, потренируемся ещё каж следует и обгоним вас.

— Посмотрим,— ответила Мила,— у нас тоже впереди лето. Мы тоже станем сильнее.

> Галя Либерман, ученица 610-й школы Москвы.

Зон Точилина, ученица 394-й московской школы, тоже шнопер-инструктор по гимнастике. Она организовала в своей школе гимнастический кружок. Двадцать девочек из этого кружка участвовали в райоиных спортивных соренвованиях. Несколько девочек завоевали первые места, а Зон получила звание чемшнома гимнастики Сокольнического района Москвы.

Мои модели

Два года назад я пришёл на занятия авиамодельного кружка. Ребята строгали какие-то тоненькие реечки, прогревали их над огнём и при помощи проволоки и клея строили из них очень лёгкие, ажурные каркасы. Это были детали будущих моделей: крылья, фюзеляжи, хвостовые оперения. Несколько пионеров заканчивали сборку сложных моделей двухмоторного штурмовика, истребителя и тяжёлой летающей лодки.

С тех пор и я стал заниматься авиамоделизмом. Начал я с постройки простых моделей. Наблюдая их в полёте, я понял взаимодействие воздушного потока и самолёта, назначение элеронов и рулей. Потом я стал строить более сложные модели, научился читать чертежи, работать с инструментами, стал разбираться в том, какими материалами лучше пользоваться при изготовлении моделей. При чтении чертежей и расчётах моделей мне пригодились знания по математике и особенно по алгебре. Это заставило меня глубже заинтересоваться и алгеброй и геометрией. Через несколько месяцев я получил звание пионера-инструктора по авиамоделизму.

Прошлым летом в лагере я организовал авиамодельный кружок. Мы сделали схематическую модель и запустили её с обрыва.

Смотреть на полёт первой модели собрались все ребята. Очень волновались конструкторы модели, а ещё больше волновался я. Но наша модель с резиновым моторчиком плавно взлетела и поплыла в сторону леса.

Много пионеров, участников нашего прошлогоднего лагерного кружка, теперь занимается авиамоделизмом.

А у меня в этом году по математике были только пятёрки.

ИОра Караваев, ученик 7-го класса 344-й школы Москвы.

Строительство моста через реку Сить. Рисунок с натуры Юры Ефименко, станция Некоуз, Ярославской области.

На озере Аслы-Куль

Пионеры нашего района изучают историю своего города и часто путешествуют по его окрестностям. Они разыскали потомка первого жителя города. Он рассказал, как его прапрадед Иткул первым в этих местах поставил свою юрту, да так и остался здесь на всю жизнь. Это было сто двадцать лет назад, когда на месте города Давлеканова шумели дремучие леса и быстроногие лоси выходили

по утрам на берега широких и полноводных рек Дёмы и Морадымки.

На фотографиях вы видите пионеров 1-й средней давлекановской школы. Они пришли на озеро Аслы-Куль, огромное, широкое, как море! А с этого камня на берегу озера далеко видно всё вокруг.

> Галия Мустафина, г. Давлеканово, Башкирская АССР.

Мы любим

Я люблю музыку и пение. Ещё совсем маленькой мне очень хотелось научиться дирижировать, и я часто ходила смотреть, как это делают настоящие дирижёры. Мне казалось, что я уже всё знаю, и когда я училась в третьем классе, попробовала дирижировать в кружке пения девочек. Но тут вдруг оказалось, что дирижирую я совсем неправильно. Я решила исправить свои ошибки и стала посещать хоровой кружок Дома пионеров. В кружке я научилась дирижированию с разбором тактов, со счётом и через некоторое время почти без ошибок давала вступления и паузы. И только после того, как я научилась дирижировать многоголосым хором, дуэтом и сольным пением, мне дали звание пионера-инструктора.

Сейчас я руковожу сводным хором своей школы. Уже много раз наш хор выступал на городских смотрах художественной самодеятельности. Мы исполняли много разных песен, и жюри оценило их как сложные и правильно исполненные.

Но хорошо поют не только девочки общешкольного хорового кружка. Пионерский отряд нашего класса поёт лучше других отрядов. У нас есть свои любимые песни: «У костра», «Крутыми тропинками в гору», «Марш юных пионеров», «Гимн демократической молодёжи», народные песни. Мы часто исполняем их на отрядных и дружинных сборах.

Все летние каникулы я проведу на пассажирском пароходе, который ходит от Горького до Москвы. На этом пароходе моя мама работает поваром. Я надеюсь н на пароходе организовать хоровой кружок из сотрудников и их детей. А когда начнутся занятия, я снова буду руководить сводным хором своей школы и постараюсь некоторых девочек научить дирижировать.

Зоя Широкова,

Кружок юных бахчеводов

Елизавета Ильинична, руководительница нашего кружка юннатов, как-то рассказала нам о колхозниках Кунцевского района, Московской области, из колхоза имени Ильича. Они вырастили крупные и вкусные арбузы и дыни, которые обычно разводятся только в южных областях нашей страны. Это был опыт, а в этом году уже сто пятьдесят подмосковных колхозов, в том числе и два из нашего района, будут разводить арбузы и дыни.

Мне тоже захотелось стать бахчеводом, и я ещё ранней весной начал готовиться к этому так, как советовала Елизавета

Ильинична.

Я прорастил арбузные и дынные семена в мокрой тряпочке и высадил их в специальные коробочки с хорошо удобренной землёй. Товарищи, узнав о моих опытах, стали смеяться надо мной и говорить, что у меня всё равно ничего не выйдет. Я рас-

сказал ребятам о колхозниках-бахчеводах, и кое-кто из них тоже захотел выращивать арбузы. Даже самый насмешливый из наших ребят, Вова Сёмочкин, перестал меня дразнить «мудрецом» и заинтересовался моими опытами.

Чтобы вырастить рассаду, нужен был паринк, но одному мне сделать его оказалось не под силу. Мы сделали его все вместе. Ребята принесли стёкла и натаскали навозной земли. Получился хороший парник. Когда стало совсем тепло, директор станции юннатов отвёл нам на оннатском поле опытный участок. Мы обработали его по всем правилам агротехники и устроили свою бахчу.

В начале июня мы пересадили уже выросшую рассаду в грунт. К этому времени желающих выращивать арбузы и дыни собралось десять человек. Им я рассказывал всё, что узнал из занятий юннатского кружка и от Елизаветы Ильиничны.

Так у нас организовался кружок бахче-

водо!

Сейчас мы ухаживаем за своими арбузами и дынями. А в августе мы будем снимать урожай со своей бахчи!

Ваня Кузнецов,

ученик 1-й средней школы, г. Химки, Московской обл.

Цементный завод

Я шёл к заводу, не спеша, Я знал: спешить не надо— И любовался, не дыша, Его литой громадой.

А он всё рос передо мной С трубою стометровой. Как шапка, дым над головой, То светлый, то багровый.

Идут к нему грузовики, Он мажет пылью серой Их всех. Как майские жуки, Они вползают в двери.

Зашёл в завод. Со всех сторон Меня обдало гулом. Отсюда видно, как огонь В стальной печи согнуло, Как, скрежеща, известняки Идут в дробилку, в обжиг, Чтобы потом в грузовики Ссыпаться осторожно.

Чтобы потом на буровых Скреплять зазоры скважин Или в тисках держать стальных Кирпич в постройках, скажем...

И так бы, кажется, стоял Пред ним, смотрел и слушал, А он бы жил и грохотал, Огромный и послушный.

> Анатолий Суханов, ученик 9-го класса, д. Лисково, Барановического района, БССР.

ПРО ДЕДУШКУ МАЗАЯ

Эти рисунки нарисовали два брата — Олег и Игорь Князевы. Они живут в городе Тушине, Московской области. Олег перешёл во второй класс, а Игорь совсем маленький — ему всего шесть лет. Сейчас оба они учатся в Художественной студии при Дворце культуры завода имени Сталина. Мальчики любят рисовать с натуры, и у них много зарисовок того, что они сами видели.

Однажды отец прочитал им стихи Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы», и ребята нарисовали к ним картинки.

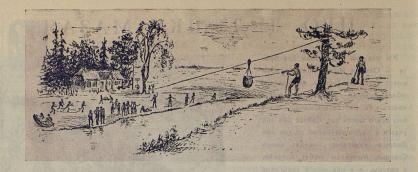

«Вижу один островок небольшой — Зайцы на нём собралися гурьбой».

«Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек...»

«И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «Ух!
Живей, звермшки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!»

Юрий Сотник

Рис. Е. Ребиковой

Солнце уже село. Деревья на лужайке в нашем лагере потемнели, и только верхушки самых больших берёз ещё поблескивали красноватым блеском, словно сделанные из ярко начищенной меди.

У забора, на котором висели умывальники, толкались десятки голоногих ребят. Гремели железные клапаны, слышалось фырканье, взвизгивали девочки. В глазах рябило от множества мотавшихся во все стороны поло-

Наше звено не спешило умываться. Мы стояли поодаль с полотенцами на плечах, с мыльницами и зубными щётками в руках и все никак не могли придти в себя от свалившейся на нас неприятности.

Уже десять дней мы жили в лагере. И всё это время нашему звену давали интересные и сложные задания. Мы сконструировали и построили мишень, изображавшую фашиста. который падал и задирал кверху ноги, если попасть мячом в широкую чёрную кнопку рядом с ним. Мы сделали два пулемёта-трешётки для предстоящей военной игры, мы оборудовали под крыльцом нашего деревянного дома фотолабораторию и уже выпустили два номера фотобюллетеня. На линейках и в стенгазете нас постоянно хвалили за смекалку, за изобретательность, и мы, конечно, очень гордились этим.

И вдруг такая обида!

С полчаса тому назад на вечерней линейке старший вожатый объявил нам порядок завтрашнего дня.

- Четвёртое звено первого отряда будет заниматься ремонтом лодки, - сказал он. -Заделать пробоину, изготовить и навесить руль, поставить мачту с парусом. Мы должны иметь флот, пригодный для дальних плаваний по речке Тихоне. Три других звена первого отряда (значит, в том числе и наше), а также весь второй отряд должны будут посыпать линейку песком. Вернее, даже не посыпать, а засыпать толстым слоем. Почва здесь глинистая. Пойдёт дождь - утонем в грязи.

Сами понимаете, как это «увлекательно» таскать песок. Ведь на подобной работе можно умереть со скуки! И это в то время, когда другие ребята будут заниматься таким интересным и ответственным делом, как ремонт лодки...

 Весь завтрашний день насмарку, – процедил сквозь зубы высокий, тонконогий Лодька Виноградов; он стоял, опустив голову в белой панаме и машинально сдирая шматки облупившейся от загара кожи с голой по локоть руки.

Ваня Сердечкин смотрел грустными глазами то на одного, то на другого из нас:

- Ладно, ребята, пусть!.. Раз не ценят, так пусть!.. Правда, ребята?

- Нет, не пусть, - сказал вдруг Демьян очень решительно. - Идёмте! Я поговорю. Я докажу ему!

Мы направились к умывальникам.

Ростом наш звеньевой был самый маленький в отряде, но очень крепкий и такой солидный, что все его звали не Дёмой и уж. конечно, не Дёмкой, а только Демьяном. Он ходил всегда огромными шагами, старался говорить басом и очень любил всякие мудрёные выражения. Вот и теперь он шёл впереди нас, словно метры отмерял, и гудел себе под нос:

- Я поговорю! Я ему логически докажу! Вожатый нашего отряда Яща наблюдал за порядком возле умывальников и время от времени покрикивал на тех, кто лез без очереди или норовил налить воды за ворот соседу.

Яш, - позвал Демьян самым низким своим басом. - На минутку. Важное дело.

Яша подошёл к звеньевому. Он был очень загорелый, у него были чёрные курчавые волосы. В сумерках он походил на негра.

- Яша, - снова заговорил Демьян, - я должен заявить тебе от всего звена. Мы считаем, что это нерационально.

 Что нерационально? – переспросил вожатый, оглядываясь в сторону умывальника.

Посылать наше звено на песок.

Нерационально, говоришь?

- Ага. Посылать наше звено на песок это всё равно, что инженеров заставлять работать грузчиками.

Яша скрестил на груди руки и уставился на Демьяна:

- Что, что? Каких инженеров? Какими грузчиками?

Демьян подошёл почти вплотную к вожатому и продолжал убедительным тоном:

 Яша. Подожди. Давай рассуждать так... логически. Кто в нашем звене? Лодя Виноградов! Сам знаешь, как он столярничает. Он не только руль для лодки, он всю лодку может сам построить. Ещё кто в нашем звене? Ваня Сердечкин! Он...

- Понятно. Ты покороче немного.

- Вот. А ты таких людей - на песок. А кто в четвёртом звене? Чем они себя проявили? Ремонтировать лодку - тут голова нужна... Они, может, инструмента в руках не умеют держать, а ты их на такое ответственное дело! А людей... этих, квэ... квали... квалифицированных ты - на песок. Нерационально.

- Всё? - спросил Яша недобрым голосом.

- Так вот, слушай меня. У нас не завод, а пионерский лагерь. А вы пока ещё не инженеры, а всего-навсего мальчишки, до к тому же, как видно, здорово зазнавшиеся мальчишки. Стыдно вам, пионерам, так относиться к физическому труду! Белоручки!

Демьян присмирел. Вся его солидность куда-то исчезла. Он стоял, втянув голову в плечи, и грустно смотрел вожатому на живот.

Зато мы обиделись и заговорили:

- Насчёт белоручек это ты, Яша, зря...

- Мы вовсе не к физическому труду, мы

к скучному труду так относимся. - Пускай хоть бы самая распретяжёлая

работа, но только чтобы она была интерес-

 Неплохо придумали! – усмехнулся Яша. – Пусть четвёртое звено делает скучную работу, а вам подавай только интересную. Не выйдет, голубчики. Хороши! Квалификацией своей возгордились! — он сунул руки в карманы, прошёлся взад-вперёд и сухо добавил:-Можете ничего завтра не делать. Принуждать вас никто не собирается. Загорайте.

- Зачем напрасно оскорблять? - пробормо-

тал Демьян. - Что мы лодыри?..

Яша не ответил. Мы тоже больше не говорили ни слова, и молчание длилось очень долго. Должно быть, у нас был очень печальный вид, и это подействовало на вожатого. Когда он снова заговорил, голос его был уже не такой сердитый:

- Отнимать у четвёртого звена ремонт для вашего удовольствия я не буду. Если четвёртое звено само захочет с вами поме-

няться, тогда другое дело.

Мы даже плечами пожали:

- «Само захочет»! Они не сумасшедшие. Яша посмотрел на нас как-то искоса, и мне показалось, что он слегка улыбнулся:

- А вы попытайтесь, поговорите. Вы люди умные. Докажите, им, что даже такое дело, как таскание песка, может быть интересным. Читали «Тома Сойера»? Помните, как тётка заставила его в наказание белить забор, а он внушил мальчишкам, что это дело наредкость приятное и увлекательное? Те семь раз ему забор побелили, да ещё заплатили за такое удовольствие... Попытайтесь.

Яша смотрел на нас и почёсывал переносицу, прикрывая ладонью улыбающийся рот. Мы поняли, что больше разговаривать не о чем, и поплелись к умывальникам.

Всё шуточки! – тихо сказал Демьян.

Умывшись, мы пошли в дом. На крыльце Лодя Виноградов остановился и сказал:

- На такой большой лодке можно было бы не один, а два паруса поставить. Кливер, например...

- Завтра будет тебе «кливер», - проворчал Демьян. - Будешь с носилками ходить и любоваться, как четвёртое звено лодку корё-

Конечно, о том, что четвёртое звено покорёжит лодку, Демьян просто так сказал, с досады, но все мы кивнули головами.

Лагерь наш стоял у самой реки, но на этом берегу, низком, поросшем деревьями. песка не было. Его нужно было доставать на том берегу, где с высоких обрывов спускались большие осыпи. Чтобы принести носилки или ведро с песком, нужно было дойти до пешеходного мостика, который находился метрах в тридцати от границы лагеря, пе-

рейти через этот мостик и проделать такой же путь обратно. Я прикинул всё это в уме, и меня тоска взяла.

Демьян, — задумчиво сказал Лодя.

- Да?

- Может, поговоришь всё-таки с ними?..

- Наивный ты человек, Всеволод!

- А ты всё-таки попробуй, разведи какуюнибудь дипломатию. Вот, мол, песок - это только с виду такое скучное дело, мол, это только сначала кажется, что ничего тут мудрёного нет, а на самом деле...

- Что «на самом деле»?

 На самом деле... это... ну вообще чего-нибудь там... – Лодя помахал руками у себя перед носом и умолк.

 Сам не знаешь, а говоришь, – сказал Демьян, но тут к нему пристали другие ребята:

 А тебе трудно поговорить, да? Ведь в одной с ними комнате ночуещь!

почуешь

— Знаешь поговорку? «Попытка — не пытка, а спрос — не беда». Демьян взглянул на меня, потом на Ваню Сердечкина. Мы трое ночевали в той комнате, где

помещалось четвёртое звено.

— Конечно, ребята... Дело, ребята, конечно, трудное, но всётаки попробовать можно. Правда,

ребята? — сказал Ваня.

«Трудное»! Мне это казалось такой задачей, над которой самый
лучний дипломат себе голову
сломает. Посмотрели бы вы на
звеньевого четвёртого звена Мишу Авдотьина. Это большой,
грузный малый, всегда такой спокойный и рассудительный, словно ему не тринадцать лет, а все
тридцать. Такого никакой Том
Сойер не поймал бы на удочку с
забором.

Совсем стемнело. За окном пропел горн: «Спать пора, спать пора!» Однако четвёртое звено ещё не

угомонилось. В углу комнаты слышались возня, приглушенный смех и мягкие удары: там затеяли драку подушками. Вдруг кто-то сказал: «Внимание, воздух!» — и началась игра в «противовоздушную оборону». С минуту все лежали тихо и прислушивались к писку залетевшего в комнату комара, затем Серёжа Огурцов скомандовал себе: «Пятая батарея, огонь!» — и принялся хлопать над собой ладонями, стараясь впотьмах попасть по комару. Когда «вражеский самолёт» вышел из зоны его «обстрела», открыла огонь «шестая батарея», то есть Сурен Акопян.

Ни Демьян, ни Ваня, ни я не принимали участия в игре. Я всё думал, думал, думал, с чего бы начать наш дипломатический разговор, да так и ничего не придумал. Как видно, и у Демьяна и у Вани дела были тоже неважные. Демьян, кровать которого стояла рядом с моей, лежал совсем тихо. Ваню я не мог видеть, но слышал, как он ворочался и тяжко вздыхал.

Наконец комара убили, и челвёргое звено успокоилось. Наступила тишина. Даже Ваня перестал вздыхать. В открытое окно над моей головой потянул тёплый ветерок и принёс с далёкой железнодорожной станции свисток начальника поезда, потом — гудок и частое уханье паровоза, сдвигающего с места состав.

- Михаил, пробасил вдруг Демьян.
- Ну? сонным голосом отозвался тот.
- Вы завтра лодку будете ремонтировать?
- Угу.
- А мы на песок.

- Знаю. Спи!

Наш звеньевой после этого долго молчал, а я лежал и нервничал: ведь Михаил каждую минуту мог уснуть. Наконец Демьян равнодушно сказал:

- Не завидую я вам.

Миша не ответил и даже начал похрапывать. Демьян встревожился:

- Михаил! Слышишь?

- Тьфу ты!.. Что тебе?

 Не завидую я вам, что придётся с лодкой возиться.

- Ну и не завидуй. Я спать хочу.

 Песок, ребята... песок – это настоящее дело, а лодку ремонтировать – это детские игрушки, да? – сказал из темноты Ваня Сердечкин.

Миша молчал, зато Серёжа Огурцов проговорил:

А что в нём корошего, в песке? Таскай

да таскай.
— Это как сказать, — загадочным тоном

 Это как сказать, — загадочным тон возразил Демьян.

 Кто не понимает, тому, конечно, и правда только «таскай да таскай», — добавил Ваня.

- А ты понимаешь?

- А то нет!..

- Ну, что ты понимаешь?

 Что понимаю? – Ваня помолчал. – А вот то и понимаю, что понимаю. Правда, ребята? – Само собою разумеется, – подтвердил Демьян.

Сергей громко зевнул:

 Ну вас!.. Болтают что-то, а что, сами не знают.

Я лично знал только одно: ничего у нас не получается с дипломатическим разговором. Я чуть слышно шепнул Демьяну:

- Кончай! Безнадёжно!

Однако он не послушался меня и загово-

рил громче прежнего:

- В том-то весь интерес и заключается: песок - неинтересное дело, а ты попробуй сделай его интересным. Вот где почётная задача!

Одна из кроватей задребезжала.

- Послушай! У тебя в голове песок или мозги? - с чувством сказал Сурен. - Отбой был или не был?

- Ну, был. А ты знаешь, что такое песок? Это простор для рационализаторской мысли!

 Чего, чего, чего? – переспросил Сергей. - Того! Придумать, как поставить парус, легко. Ты вот придумай, как на подноске песка рационализацию провести, - тогда другое дело. Тогда, значит, ты человек этот ... мыслящий.

- Ты вот попробуй, ты вот попробуй,затараторил Ваня. - На песок почти два отряда назначили, а ты попробуй, чтобы десять человек управились. Попробуй рационализацию придумать!

- А ты какую придумаещь рационализацию? - спросил Миша; он, оказывается, ещё

Лемьян и Ваня молчали, но мне в голову пришла как будто не плохая мысль:

- Не носилками его с того берега таскать, а в лодке возить.

 У-у, — протянул Серёжа. — Пока лодку нагрузишь, да пока переплывёшь, да пока перенесёшь песок на линейку, - полдня уйдёт.

- Лучше даже не лодку, - сказал Ваня. -Лучше такой деревянный жёлоб построить с того берега до самой линейки. Тот берег высокий и...

- Знаешь, когда ты такой жёлоб построишь? - сказал Сурен. - Когда вторая смена в лагерь приедет.

- Можно без жёлоба. Можно проще, - начал было Демьян и вдруг умолк.

- Ну? - сказал Миша.

Демьян не ответил.

- Демьян! Зачем молчишь? Ещё не придумал, да?

- Хватит. Спать пора, - сказал Демьян. Этого я никак не ожидал.

Можно ещё и по-другому, — заговорих

Ваня, но Демьян его оборвал:

Иван, слышишь? Довольно тебе!..
Чудак ты какой человек, Демьян... я хотел сказать...

- А я говорю: хватит. Я знаю, что делаю, - Демьян толкнул меня в бок и прошептал: - Не спи... Слышишь? Секретный разговор... гениальная идея!..

Утром сто восемьдесят наших пионеров, одетых в синие трусы, голубые майки и белые панамы, стояли на линейке и жмурились от солнца. Звеньевые и вожатые уже сдали рапорта. Старший вожатый Семён Семёнович чуть вразвалочку ходил перед строем и говорил таким сильным голосом, словно это был не человек, а динамический репродуктор:

- Внимание! По первоначальному плану, второй отряд целиком и три звена первого отряда должны были сегодня носить на линейку песок. Полчаса тому назад звеньевой Демьян Калашников заявил мне, что его звено одно берётся выполнить всю работу в тот же срок. Посему второй отряд совместно с двумя звеньями первого отряда направляется сегодня не на песок, а в лес за малиной. Вопросы есть?

Сразу поднялось несколько десятков рук. Всем хотелось узнать, как это мы, восемь ребят, думаем заменить почти два отряда. Но Семён Семёнович отказался ответить:

Это пока секрет изобретателей. Сами

попробуйте догадаться.

Мы тоже держали всё в тайне, хотя за завтраком к нам приставал с расспросами почти весь лагерь. Я чуть не подавился гречневой кашей с молоком, так не терпелось поскорее начать работу. Мы с Демьяном и Ваней не спали почти всю ночь, шопотом обсуждая проект звеньевого. Но сейчас чувствовали себя удивительно бодрыми: хоть горы ворочай.

Завтрак кончился. Младшие отряды вооружились сачками и ушли в луга ловить бабочек, кузнечиков и мух. Второй отряд и свободные пионеры из первого отряда отправились в лес. По дороге они остановились на узком мостике через реку и долго стояли там со своими корзинами, разглядывая берега, судача о нашей затее.

Я не буду рассказывать, как мы трудились, выполняя демьянов проект. Всего в маленьком рассказе не опишешь. Скажу только, что без четверти двенадцать мы испытание нашей начали подвесной

дороги.

Крепко пекло солние. Мы, восемь мальчишек, и с нами вожатый Яша в одних трусах да панамах стояли на крутой песчаной осыпи, спускавшейся с высокого обрыва. Под нами за узкой речкой Тихоней раскинулся

Яша скомандовал: — Три-четыре!

И мы дружно закричали:

- Вни-ма-ни-е! На-чи-на-ем ис-пы-та-ни-е! На том берегу на траве лежала большая лодка, обратив к небу красно-серый живот. Возле неё копошились ребята четвёртого звена, тоже все полуголые.

Они и раньше часто прерывали работу, смотрели в нашу сторону и спрашивали у

нас, как дела.

Теперь они сложили инструменты на днище лодки и побежали к линейке.

В конце линейки Семён Семёнович и пятеро старших ребят отёсывали топорами бревно, предназначенное для мачты. Они выпрямились и стали смотреть на нас. Вышла из дома начальница лагеря Вера Фёдоровна. Вышли из кухни две поварихи в белых халатах... В общем на линейке собра-

лось человек двадцать. Над рекой висел тонкий металлический трос, который был привезён для крепления мачты и лишний моток которого завхоз

позволил нам взять.

О том, как мы намучились, пока подвесили его, привязав один конец к берёзе в лагере, а другой к сосне, росшей у самого обрыва, об этом не расскажешь. Ладони у нас горели, словно их облили кислотой. На трос был надет ржавый блок, выпрошенный Ваней в соседней МТС. К блоку на четырёх верёвках был привязан ящик, вмещавший три ведра песку. Трос шёл наклонно. Блок с ящиком должен был сам катиться от высокого берега к низкому. А для того, чтобы его можно было подтягивать обратно, к нему мы привязали длинный шпагат.

Сейчас ящик, нагружённый доверху, стоял на площадке, которую мы вытоптали в

осыпи. Демьян протяжно закричал:

- Внимание! Во избежание несчастного случая прошу сойти с пути следования воздушного вагона.

Кричал он это просто для важности: люди на линейке стояли палеко от троса.

Демьян снял панаму и поднял её над го-

- Внимание! Старт!..

Мы с Яшей и Лодькой налегли на яшик и столкнули его с площадки.

Заверещал ржавый блок. Тяжеленный ящик, как снаряд, пронёсся над рекой, мелькнул над прибрежными кустами, снизился над линейкой и с такой силой треснулся там о землю, что доски, из которых он был сколочен, полетели в разные стороны.

На линейке сначала ахнули, потом рас-

смеялись:

- Придерживать нужно.

- Тормозить, - сказал Семён Семёнович. Это было за полчаса до обеда. А после «мёртвого часа» весь лагерь стоял у линейки и любовался работой третьего звена. Теперь только два человека — Демьян и Лодя — оставались на обрыве. Они быстро нагружали четырёхведёрный бочонок, подвешенный вместо разбитого ящика, и отправляли его в путь, придерживая за верёвку. Бочонок плавно шёл над рекой, дойдя до линейки, задевал дном землю и сам ложился набок, вываливая при этом добрую треть своего. груза. Пятеро ребят, в том числе и я, разбрасывали прибывший песок лопатами, растаскивали его носилками в дальние концы линейки. Каждые сорок-пятьдесят секунд на линейку прибывало четыре ведра песку. Попробуйте перетащить такую тяжесть через мостик да плюс ещё на тридцать метров. от мостика!

Мы трудились, забыв всё на свете, а десятки зрителей в это время ныли:

- Демьян, а, Демьян, можно я тоже булу? - Давайте сменим вас, устали ведь!.. Жалко? Да?

К вечеру мы кончили с линейкой.

На следующий день все звенья и отряды чуть не перессорились, споря о том, кому первому работать на нашей дороге. Будь на нашем месте Том Сойер или другой какойнибудь американец, он бы обобрал ребят, как липку.

Нам вынесли на линейке благодарность. Наша бочка работала два дня. К концу второго дня все дорожки в лагере были покрыты жёлтым песком. На третий день Семён Семёнович сказал, что этак лагерь превратится в пустыню Сахару. Пришлось уничтожить нашу машину.

Играет вся команда

Н. Розенкноп

Рис. Я. Титова

ЕДИНАЯ ВОЛЯ

ногие ребята состоят в спортивных командах и имеют своих учителей — тренеров. Но есть и такие команды, которые нигде не записаны и не принадлежат

ни к какому обществу. Этих команд очень много: пожалуй, не найдёшь ни одного мальчика и девочки, которые не играли бы в той или иной команде. Возникают они случайно, иногда на одну игру, а потом живут целыми годами. Играют на улице, во дворе или на поляне. Вместо футбольных ворот стоят деревянные колышки, а вместо волейбольной сетки протянута простая верёвка. Нет ещё у этих команд своего имени, своей формы, своей славы. Но игра идёт настоящая, и борьба за победу так же трудна, как и на больших стадионах. Тут увидишь и силу, и ловкость, и азарт.

Нехватает иной раз уменья. Но и Григорий Федотов и Сергей Соловьёв не сразу стали такими замечательными футболистами, как теперь. В детстве немало они били мимо ворот, не раз соскальзывал у них мяч с ноги и летел в неизвестном направлении. И им, наверно, доводилось слышать обидное: «Эх, ты!» А научились и стали лучшими игроками в мире. Уменье — дело важное. Но часто ребята думают только о том, как бить по мячу, как обводить противника, как брать

мяч, — словом, о том, как стать хорошими игроками, и совсем забывают о том, что футбол, баскетбол, волейбол—наши любимые игры — все командные. Значит, надо научиться играть в команде. Вот об этом уменье мы и хотим сегодня поговорить. На первый взгляд, это—дело пустяковое: встал и играй. Но приглядитесь к хорошей команде — в ней каждый игрок знает своё место, всех их объединяют единая воля и стремление.

Вот, например, футболисты московской команды «Динамо». Капитан одной шведской команды жаловался.

 Мы, — говорит, — во втором тайме чуть не падали от усталости, а они (то есть динамовцы) даже признаков усталости не проявляли.

Спортивный обозреватель в шведской газете писал, что у динамовцев «смертельный темп».

В таком, хотя и не смертельном на самом деле, но очень стремительном темпе, казалось бы, трудно играть точно. У динамовцев мяч идёт от одного игрока к другому, словно по верёвочке, никто зря не бежит, никто не мечется, не кричит: «Мне, мне!», — но каждый оказывается именно там, где нужно. А ребята иной раз все бегут за мячом, у своего же перехватывают. Набегаются так, что дышать не могут, а гола всё равно не забыют. Вот и получается: все десять футболистов налицо, а единой команды нет.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ИГРОКИ

от какая история произошла у нас во дворе. Ребята играли в футбол. Игра шла мирно, гладко, никто не ссорился. Вдруг один мальчик говорит:

Я с вами больше играть не буду.
 Сказал и отошёл к забору. Стоит, губы у него дрожат, видно, очень обижен.

Чем же его так обидели? Оказывается,

ему ни разу не дали мяча.

— Всё Лёньке да Лёньке, — сказал он. А Лёнька, вернее Лёня Соколов, — лучший футболист во дворе. У него сильный удар, меткий глаз. Он умеет бить и с правой и с левой ноги. Не удивительно, что все ему пасуют.

Очень скверно бросать игру. Но этот обиженный мальчик был по-своему прав. Разве интересно играть, если тебе не дают

мяча?

Однако посмотрим на это дело не с точки зрения обиженного мальчика и не с точки зрения, скажем, Лёни, а решим так: что лучше для команды: если один

Лёня все мячи забивает, или нужно, чтобы по воротам били и другие, не такие уж выдающиеся футболисты? Вы подумайте над этим вопросом, вспомните свои игры, а я пока приведу один пример.

«ЛЕНИВЫЙ» РУБИК

реди игроков детской баскетбольной команды города Еревана Рубик Геворкян был самым неуверенным. Ему всё

казалось, что другой возьмёт мяч лучше, а он обязательно промажет и подведёт команду. А ребята считали, что Рубик ленится бегать за мячом, и прозвали его «ленивым». Так это прозвище и осталось.

Но Мартун Халям, центр нападения, понимал Рубика. И много раз, когда он сам мог забросить мяч в корзину (лучше его в команде никто не играл), он выбрасывал мяч так, чтобы его мог взять

Рубик.

«Видишь, как я уверен в тебе, Рубик. Вон, противник тоже помчался к мячу, но ты обгонишь его, ты первым схватишь мяч», — вот что говорил своим броском Мартун Халям, И Рубик чувствовал, что спасение мяча зависит от него. Но часто мяч уходил из-под носа, его перехватывал противник — и всё изменялось в одну секунду: команда, которая только что защищалась, сама переходила в атаку, и мяч летел на другой край зала. Рубик чувствовал свою вину. Не надо рассказывать о его переживаниях: каждый, кто хоть раз упустил мяч, знает это состояние. Тут и ненавидишь и презираешь себя, стыдно глядеть в глаза товарищам.

Но странное дело. После неудачи Рубика Мартун Халям не кричит предостерегающе: «Эй, не давай ему, опять упустит!», — а снова даёт мяч Рубику. Он как бы гозорит: «Живей, больше смелости,

Рубик!»

В этом году баскетбольная команда Мартуна Халяма стала чемпионом: она победила все детские команды Армении. Из последних десяти мячей шесть забросил в корзину «ленивый» Рубик.

Я привела этот пример для того, чтобы показать, как капитан помог слабому игроку стать сильным. Шесть мячей Рубика

принесли победу команде.

Лёня Соколов с презрением отталкивает новичков. Ему кажется, что они только мещают. Он полагается только на себя, на своё уменье.

И хоть много на свете разных команд, но в каждой из них есть свои сильные игроки. Одни ведут себя так, как Лёня Соколов, а другие, как Мартун Халям.

В одном случае все играют на своего

лучшего игрока.

Футболисты дерутся за мяч, отбивают его у противника, а бить по воротам дают

ему, самому лучшему.

Игроки в крокет стараются, чтобы их лучший игрок скорее стал «разбойником». Вот когда он пройдёт через все дужки, проскочит узкую «мышеловку», стукнется о колышек и, вернувшись обратно, даст свой первый вольный удар, удар «разбойника», — вся команда оживает. Уже нестрашно, что ты застрял у первых дужек, что ради этого «разбойника» пожертвовал своими ходами. Теперь «разбойник» вывезет всю команду.

Да и у волейболистов то же самое. Последний пас тому, кто будет «гасить», кто так ударит по мячу, что и, упав на землю, не возьмёшь его, только руки обожжёшь.

Вот это один стиль: главный игрок и его помощники. Тактика в такой игре однообразна, и горе этой команде, если она встретится с умным и внимательным противником. Он сразу сумеет обезглавить команду. Вот как было дело в Скандинавии, когда наши динамовцы играли с командой «Нордчепинг». Там самый лучший игрок — Гунар Нордаль. Наши внимательно изучили его тактику, слабые и сильные стороны, и Леониду Соловьёву было поручено «держать» Нордаля, а Семичастному и Петрову страховать Соловьёва на случай, если Нордаль вырвется. Нордаль очень быстро ориентируется на поле. Значит, надо было «держать» его вплотную, не отходить ни на шаг. Когда началась игра, Гунар Нордаль оказался «запертым», и только два раза ему удалось прорваться к воротам. Так динамовцы обезопасили свои ворота от очень сильного игрока противника.

Но если в команде все игроки равны и нет у них одного незаменимого, тогда игра бывает более разнообразной, живой: каждый играет смело, свободно и инициативно. Команда заинтересована в успехе каждого игрока. Кто заметил пустое место на волейбольной площадке, пусть тот и бъёт, кто вырвался вперёд, пусть тот и будет «разбойником», кто сумел прорваться к воротам, тому и давай мяч.

Было время, когда футболисты команды ЦДКА редко одерживали победу без Григория Федотова. А теперь рядом с Григорием Федотовым у них выросли и другие сильные нападающие. Вот так должно быть и в детских командах. Нельзя делать ставку на одного, пусть все пробуют свои силы. Команда от этого только выиграет. Недаром говорят: «Один в поле — не воин».

OTBET L CAMOMY CESE

ак бы там ни было, а трудно стерпеть, когда слабый игрок подводит команду. Раз промазал, два.. Ведь не у всех такой разумный и терпеливый

характер, как у Мартуна Халяма. Поэтому не надо обижаться, если тебя ругают,

а надо играть лучше.

 Но что я могу сделать? У меня не выходит, — часто слышишь от ребят.

В команде Мартуна Халяма тоже не все умели хорошо играть. Рубик был «ленив», Размик Пандикян, защитник, упускал верхние мячи, Размик Акопян плохо ловил, а в конце концов команда стала чемпионом республики. Как же это случилось?

Один раз я зашла к этим ребятам и удивилась. В спортивном зале творилось чтото невероятное. Смотрю: один мальчик бежит по кругу, другой — прыгает через верёвку, третий — приседает, четвёртый бросает мяч в корзину. Раз бросил — попал, отошёл подальше, спять бросил ещё дальше отошёл. А тот, что делал приседание, вдруг сделал стойку и пошёл на руках.

Мальчик, который до этого бегал по кругу, пошёл длинными, скользящими

шагами, словно конькобежец.

 Знаете, как важно скольжение в баскетболе, а он не умеет, — объяснили мне.

Оказалось, каждый из мальчиков тренируется в том, что ему хуже всего

удаётся.

Конечно, очень легко вздохнуть и сказать: «Не выходит». Гораздо труднее ответить на прямой вопрос: почему я пропустил мяч, почему у меня не выходит? Ответить без оправданий, не сваливая вину на другого («он мне плохо кинул мяч»), мужественно и честно.

Не все ребята умеют так критически смотреть на себя, как мальчики из команды Мартуна Халяма, которые завели даже спортивный дневник, и, не боясь обидеть, смело критикуют друг друга.

Вот если бы каждый слабый игрок поступал так, как ереванские ребята, пожалуй, он перестал бы и обижаться и говорить: «Не выходит». Он бы просто учился хорошо играть.

Я НЕ ХОЧУ, НО Я БУДУ

заключение я хочу поговорить о тех, кто самовольно выходит из игры. Такие случаи бывают часто. И не только потому, что кого-то обошли, не дали мяч,

но и потому, что, скажем, поставили в защиту, а он хотел играть в нападении. На спортивном поле, среди десяти человек, много бывает разногласий. И вот здесь-то необходимо бывает это уменье думать о команде, а не о себе.

Мне очень запомнился один случай. Произошёл он, правда, не на футбольном поле, а на фронте. Там людям часто приходилось забывать о себе. В нашу часть приехал один молодой парень, он пошёл добровольно на фронт и думал быть в разведке, это значит, что он был нетрусливого десятка. Но тут оказалось, что разведчики сейчас не нужны, нужен повар. На военной службе приказ командира - закон. Ничего не поделаешь, парень стал поваром. Но работал спустя рукава, всё шло у него плохо: то каша подгорит, то суп выкипит. В один прекрасный день вернулся из госпиталя прежний повар и взялся за своё дело. Командир батальона вызвал к себе молодого солдата:

— Если б ты был хорошим поваром, я бы взял тебя сейчас в развелку. Но ты не умеешь подчинять себе свои желания, они берут верх, — не выйдет из тебя и хорошего разведчика. Я думал об этом каждый раз, когда ел твою подгоревшую

кашу.

Этот случай часто вспоминается мне, когда я слышу капризные слова «я не хочу» и «я не буду». Конечно, футбол—не военная служба: не хочешь играть в защите, никто не заставит. Ну, а если ты нужен команде не в нападении и не вратарём, а именно в защите, если капитан тебе скажет: «Надо», — хватит у тебя мужества решить так: «Я не хочу, но я буду»?

Л. Тынянова

Рис. Г. Филипповского

(Окончание.)

Через три года

Прошло три года. Девочки подросли. Они были теперь в среднем классе, и им разрешалось укладывать косы вокруг головы и ложиться спать часом позже. Школа помещалась теперь уже не на Большой Дмитровке, а на углу Софийки и Неглинной. Это было очень близко от Малого театра, а между тем никогда ещё он не был так далёк от Маши! С того памятного вечера, когда Самарин приказал убрать «невозможного пажа», она больше не появлялась на сцене. С завистью смотрела она на подруг, за которыми время от времени присылала дирекция Малого театра, а трико и колет уже не казались ей таким неудобным нарядом. Зато в Большом театре она бывала гораздо чаще, чем хотелось: то приходилось танцовать в глубине сцены в балете «Саламандра», то изображать одну из двенадцати рек в балете «Дочь фараона».

Попрежнему Маше приходилось сносить нападки и издевательства «бога-мартышки» и Екатерины Ивановны, классной дамы, по

прозвищу «солонина».

Попрежнему с нетерпением ждала она от воскресенья до воскресенья той радостной минуты, когда её позовут в зал для свидания с родными.... А там уже дожидалась её Александра Ильинична в чёрной кружевной шали с неизменным узелком в руках. Маша заранее знала: в нём яблоко, пряник, несколько конфеток и сдобная булочка.

Маша шопотом делилась с мамой своими

горестями и обидами.

Только одно за это время изменилось к лучшему: в школе появился новый учитель русской словесности — Александр Львович Данилов. Это был уже немолодой человек с добродушным лицом и рассеянным взглядом светлоголубых близоруких глаз. С первых же уроков Маша поияла, что он совсем не похож на других учителей, не только в том отношении, что он знал и любил свой предмет, но и в том, что непременно жела передать ученицам свои знания. С каждым уроком он незаметно втягивал их в серьёзную умственную работу.

умственную работу. В свою очередь, и новый преподаватель сразу выделил Машу среди других воспитанниц. Эта девочка со строгим выражением лица, с умными не по возрасту глазами глубоко заинтересовала его. Он был тронут, видя, как во время уроков она не спускала с него взгляда, боясь проронить слово. Если какая-нибудь подруга отвлекала её внимание, она, не оборачиваясь, отводила её рукой, тихо отодвиталась и всё так же сосредоточенно продолжала слушать.

Узнав о её страсти к чтению, Данилов начал носить ей книги: всю школьную библиотеку Маша давно прочла. Однако и его собственных книг хватило ненадолго. Тогда он стал доставать для неё книги в других библиотеках, приносил ей журналы «Отечественные записки», «Современник», издавать

шийся тогда Некрасовым.

Гончаров, Тургенев, Герцен, Чернышевский печатались на страницах этих журналов. Новый мир открывался перед Машей в поэзии Некрасова, мир, скрытый от неё высокими степнии училица. «Как надо знать и любить свой народ.— думала Маша,— чтобы так писать о нём! Как надо скорбеть о его тяжёлой доле, ненавидеть его угнетателей и желать его освобождения!»

О новых людях, их стремлениях и идеалах, об их борьбе и вере в будущее узнала Маша из романа Чернышевского «Что делать?». Точно струя свежего воздуха ворва-

время уроков маша не спускала взгляда с учителя.

лась вместе с этими книгами в душные клас-

сы театральной школы.

Часто, входя в класс, Данилов слышал, как Маша вслух читала подругам, и его неизменно поражало то чувство меры, которое так отличало её от других девочек.

«Читала она уже и тогда толково и с тактом, - через много лет вспоминал о ней старый учитель. - Это уж у неё от природы, и я себе не приписываю по этой части никакой заслуги».

Свой театр

«У комода» шла трагедия Шиллера «Мария

Машенька в чёрной степанидиной юбке и чёрной кружевной шали, которую Степанида надевала только по праздникам в церковь, играла роль несчастной шотландской королевы. Она была так увлечена, глубокий, грудной голос её звучал так задушевно, что девочки слушали потрясённые.

Катя Семёнова, стоявшая на страже у двери - эта обязанность выполнялась воспитанницами поочереди, - подвигалась всё ближе и ближе к комоду и даже встала на табурет, чтобы лучше видеть Машу. Девочки тесным ксльцом окружили «сцену» и стояли тихо, тихо, затаив дыхание.

«- На плахе всенародно опозорить

Дерзнула бы она моё чело?..»

спрашивала Маша.

Но Вера Топольская, игравшая Мортимера, так и не успела ответить своей королеве, потому что Катя Семёнова вдруг слабо вскрикнула и с ужасным грохотом спрыгнула с табурета.

В дортуаре, опершись на спинку одной из кроватей, стояла сама инспектриса Зинаида

Михайловна Никольская, сама «татап», как называли её воспитанницы. «Матап» внимательно смотрела на «сцену».

Взвизгнув и позабыв даже поздороваться с инспектрисой, девочки стали разбегаться, спотыкаясь и толкая друг друга. «Актрисы» замерли на полуслове, оставшись в тех же позах, как будто мгновенно погрузились в заколдованный сон. Инспектриса стояла на прежнем месте. Когда наконец последняя воспитанница добежала до своей кровати, она спокойно сказала, обратившись к «акт-

- Ну, теперь продолжайте!

«Матап» была высокая, полная, ещё красивая, с седыми зачёсанными в пышную причёску волосами. Она была добрее всего школьного начальства, и воспитанницы любили её. Иногда она приглашала ту или другую девочку к себе на квартиру «пить чай». Это считалось большим почётом. Но инспектриса редко появлялась в школе.

 Продолжайте! – повторила Зинаида Михайловна и дружелюбно кивнула всё ещё не вышедшим из оцепенения «актрисам».

Спектакль продолжался. «Актрисы» вновь вступили в свои роли - сперва робко, потом всё увереннее. Осмелевшие зрители, оставив свои убежища-кровати, снова стали подвигаться всё ближе к комоду.

Шла сцена прощания Марии Стюарт со своими приближёнными.

Откинув с лица чёрную кружевную щаль, Маша стояла в кругу девочек, опустившихся перед нею на колени. Вся фигура её дышала гордостью и величием.

«- Прощайте все! Прощайте навсегда!»

Такая вдохновенная скорбь и вместе с тем такое сознание неизбежности смерти светились в её глазах, что казалось, они уже видели перед собой эшафот...

Мёртвая тишина стояла в дортуаре. Липочка Курнакова громко всхаипнула. Тут только и зрительницы и «актрисы» вспомнили о Зинаиде Михайловне. Зрительницы одна за другой, подальше от греха, бесшумно подвигались обратно к кроватям, «актрисы» же остались на месте, робко глядя на Зинаиду Михайловну в ожидании суда. Инспектриса молчала, погружённая в свои мысли.

- Я думаю, вам неудобно здесь играть? спросила она неожиданно. - Да, очень неудобно, - повторила она, отвечая самой себе, потому что «актрисы» лишились дара речи и стояли, недоуменно поглядывая друг на друга.

- Вот что, девочки! - в отличие от всего школьного начальства Зинаида Михайловна называла воспитанниц не «мадемуазелями» и не «господами», а просто «девочками». -Вот что я хочу предложить вам. У нас в училище есть сцена, коть небольшая, но всё же побольше вашей. Есть и декорации — тоже получше, - она с улыбкой посмотрела на одеяла; девочки смущённо переглянулись.-И занавес есть... Ну как? Согласны?
— Согласны! Конечно, согласны! — разом

закричали очнувшиеся «актрисы» и зрители

и бросились к «татап».

- Ну, - сказала Зинаида Михайловна,- значит, договорились? А теперь спать, спать! Инспектриса ушла, а воспитанницы долго ещё стояли у дверей, посылая в темноту воздушные поцелуи.

— Девицы, вы слышали, у нас будет настоящий театрі—вскричала Вера Топольская. — «Театр—отец, театр—мне мать, театр моё предназначение», — запела Катя Семёнова и, подхватив Машу за талию, закружилась с нею в весёлом вальсе.— Маша, что же ты молчишь, Маша? Или ты не рада?

 Рада, Катюша, так рада, что и сказать не могу!

Девочки с жаром принялись за устройство театра. Они доставали пьесы, где только могми,— и в школьной библиотеке, и через Данилова, и у родных. За короткое время на школьной сцене было дано столько спектаклей, что сама дирекция Малого театра могла бы позавидовать. Здесь шли и «Гроза» Островского, и «Горе от ума» Грибоедова, и «Орлеанская дева» Шиллера, и «Девичий переполох» Виктора Крылова, и «Батюшкина дочка» Шаховского. Во всех этих спектаклях главные роли играла первая актриса «труппы» — Маша Ермолова.

Маша была счастлива. Казалось, это было началом осуществления её мечты. Но время шло, и она опять начинала сомневаться. Школьное начальство не придало значения забавам воспитанниц. Инспектриса посмотрела несколько спектаклей, и всё осталось попрежнему. Попрежнему зрителями были

сами воспитанницы, да няньки, да швейцар Ефим, который изредка заходил взглянуть на «пичуг», становившихся уже «мамзелями».

А в школе изо дня в день продолжалась «балетная мука», словно сама судьба поставила себе целью наперекор всему сделать воспитанищу Ермолову балериной.

Маша видела, как рушатся её мечты о драматической сцене, и родители приходили в отчаяние, не зная, как ей помочь.

Большой дом

Катя слонялась по большой медведевской квартире и скучала. Ей не раз случалось и прежде гостить у Медведевой. Надежда Михайловна была близкой подругой её мамы и брала на вакации девочку к себе, когда Екатерина Александровна Семёнова бывала в отъезде.

Этот большой, шумный дом всегда был полон гостей, всегда жили здесь какие-то племянницы, тётушки, дальние родственницы, старушки-приживалки. Шли бесконечные споры и толки о театре, о пьесах, о ролях, о закулисных делах и интригах.

Муж Медведевой Василий Алексеевич Охотин был также актёром Малого театра, и её мать Акулина Дмитриевна в молодости

Маша стояла в кругу девочек, опустившихся перед ней на колени.

была актрисой. А сама она и в жизни, как на сцене, постоянно играла, изображая людей, с которыми ей приходилось встречаться, тонко подмечая и копируя их смешные

черты.

«Это была характерная актриса милостью божьей, — вспоминал о ней впоследствии знаменитый актёр и режиссёр Константин Сергеевич Станиславский. — Она не могла даже в жизни просуществовать ни одного часа, чтобы не изобразить галлерею характеров, виденных ею».

В столовой, где сходилась вся семья, беспрерывно раздавались громкие взрывы смежа, а в промежутках между ними слышался низкий голос что-то «изображавшей» Мед-

ведевой.

Детей в доме не было, и поэтому, когда Катя приезжала, все возились с нею, развле-

кали, баловали.

Когда на этот раз Катя попала к Медведевой, весь дом был охвачен необычайной тревогой. На 30 января назначен был бенефис Надежды Михайловны. Для этого спектакля она выбрала драму Лессинга «Эмиллия Галотти». Роль Эмилли должна была играть Гликерия Николаевна Федогова, роль её отца Одоардо — Самарин, а роль графини Орсини — сама Медведева.

На репетициях всё шло прекрасно. Актёры уже освоимись со своими ролями, Надежда Михайловна была довольна. И вдруг неожиданный случай разрушил все её планы. Федотова серьёзно заболела. Нечего было и думать, что она сможет участвовать в спектакле. А до бенефиса оставался всего лишь месяц. Медведева была расстроена до крайности. Что придумать? Кем заменить федотову? Она перебирала в уме всех знакомых молодых актрис и не могла найти подходящую.

Весь дом: и Василий Алексеевич, и Акулина Дмитриевна, и гостившие тётушки, и горничная, и кухарка – все судили и рядили только об одном.

Катя внимательно прислушивалась к этим

толкам. И вдруг её осенила мысль.

 Надежда Михайловна, - сказала она, краснея и запинаясь от волнения, - попробуйте Машу Ермолову!

Медведева с удивлением взглянула на Катю, как будто только что заметила её присутствие.

 Ермолову? — спросила она, припоминая. — Это какую же? Суфлёрскую дочку?

- Да, да, Машеньку!

Надежда Михайловна пожала плечами:

- Дика больно, неуклюжа!

Но Катя не сдавалась.

— Надежда Михайловна, душенька, попробуйте только, испытайте! — молила она, бросансь на шею к Медведевой.— Ну что вам стоит? А вдруг! Ах, вы не знаете, как она играет! Если бы вы только видели! Она дивно, она необыкновенно играет!

 Постой, постой, матушка, да где она играет-то?

 У комода, Надежда Михайловна, и на школьной сцене!

«У комода»? — на лице Медведевой изобразилось изумление. — У какого «комода», помилосердствуй, Катюша!

 Да это у нас в дортуаре! Мы всегда раньше у комода играли, а теперь Зинаида Михайловна разрешила на сцене, а у комода мы только репетируем. Надежда Михайловна, милочка, прослушаете Машеньку, да?

Медведева молчала в нерешительности.

Видимо, она колебалась.

Ну, будь по-твоему, стрекоза. Так и быть, послушаем твою Машеньку.

За кулисами

Когда в театре узнали, что роль Эмилии Медведева отдаёт какой-то неизвестной воспитаннице, поднялась настоящая буря.

- Девчонке, школьнице!

Суфлёрской дочке!
Роль самой Федотовой!

Но Медведеву не поколебали закулисные толки. Не обращая на них никакого внимания, она упорно продолжала заниматься с Машей. А Маша работала с увлечением, со страстью. Работе она отдавала теперь всё свободное от школьных занятий время. Едва кончались танцовальные классы, она заширалась в пустом зале и часами перед зеркалом повторяла роль, следя за своими жестами, мимикой, манерами, припоминая мельчийшие замечания Медведевой.

Никогда и не думала она раньше, как трудно научиться владеть руками, добиться того, чтобы не думать об их существовании. Как трудно избежать резкости и угловатости движений, неловкости манер, добиться полного соответствия между словом и жестом! Теперь только, после уроков Медведевой, поняла она, как важно преодолеть все эти недостатки, чтобы стать настоящей актурисой. Как много надо было думать над каждым

словом, над каждым жестом!

Иной раз, в изнеможении опустивнико на стул, Маша говорила себе, что никогда не сможет исполнить роль Эмилии так, как этого требовала от неё Надежда Михайловна. Но на другой день Надежда Михайловна выслушивала её, подбадривала, отмечая успехи, указывая недостатки, и работа начиналась снова. Чтобы ясне дать понять своей ученице, чего ей надо избегать, Медведева льбила передразнивать её, но делала это так добродушно и необидно, что часто обе, и сама она и Маша, не могли удержаться от смеха.

Ескоре репетиции были перенесены со школьной сцены в театр. Вот когда наступило для Маши время тяжёлых испытаний. Каждая репетиция была теперь пыткой для неё. Со всех сторон сыпались здые насмещ-

ки, долетали обидные слова.

Положение Маши стало ещё труднее, когда Медведева заболсла и поручила занятия с нею Самарину: он был также занят в спектакле в роли Одоардо, отца Эмилли. Знаменитый артист енизошёл на этот раз к просьбе Надежды Михайловны и временно принял на себя руководство дебютанткой. Занимался он с нею добросовестно, но неохотно, видимо, не веря в успех и удивляясь выбору Медведевой. Бедная Маша приходила в отчаяние и готова была отказаться от роли. Но кэждый раз при выходе из театра глаза её невольно приковывалась к висевшей у подъезда большой жёлтой афише. В ней объявлялось, что чв иятими 30-го января в пользу артистки т-жи Медведевой будет представлена трагедия лессинга «Эмилия Галотти». Роль Эмилии Галотти будет играть воспитанница Ермолова».

Эта коротенькая строчка возвращала ей твёрдость, и она давала себе слово пройти через все испытания, сколько бы их ни было,

чтобы достигнуть своей цели.

Деблот

Утро стояло ясное. Сквозь матовые, разрисованные морозом стёкла пробивались краснюватые лучи зимнего солнца. Всепитанницы давно уже были в танцовальном зале, и только Маша сегодня была освобождена от занятий. Закучавшись в платок, как во сне, бродила она по пустому дортуару. Голова была туманная, и только одна мысль со стращной отчётливостью всплывала в сознании.

«Дебют, — вспоминала она, холодея, — ведь сегодня пятница, мой дебют!»

Она начинала лихорадочно перелистывать

— Нет, не могу, не могу! — шептала Маша, в отчаниии закрывая тетрадку. — Сил моих нет, ничего не понимаю, всё забыла!. Что-то будет? Неужели провал? Я не перенесу это-го! Если бы случилось так, чтобы меня вызвали хоть один раз, один-единетвенный, больше мне ничего не прошу!

Так проходило время. В переменах прибегали подруги, она заговаривала с ними, но тотчас же снова принималась повторять роль. А у подруг были свои огорчения: по какимто загадочным соображениям, классная дама наотрез отказалась взять их на спектакль, несмотря на все просьбы, мольбы, клазала

Пробило пять часов. Не думая больше ни о чём, Маша бродила по училищу. Из классных комнат допосились голоса преподавателей. Ламповщик зажигал лампы, распространявшие привычный запак коноти и горящего масла. Нянюшки, подобрав подолы юбок,
мыли полы. Степанида прибежала проведать
Машу, попрощалась с ней, поцеловала.

Кареты в Малый! – отрывистым басом прокричал Ефим.

Маша остановилась, словно поражённая неожиданностью, словно стараясь вникнуть, какое отношение имеют к ней эти непонятные, страшные слова. Дрожа и спотыкаясь, она побежала одеваться. Подруги догнали её на лестнице, наперерыв целовали, говорили ласковые напутствия, умоляли не волноваться.

Ныряя в сугробах, медленно ползла театральная карета. Сквозь морозный туман виднелись неясные очертания домов. Белые, точно кружевные, деревья проплывали мимо. Сумерки сгущались, Фонарщики, приставив

При выходе из театра глаза Маши невольно приковывались к афише, висевшей у подъезда.

лесенки к столбам, зажигали масляные фонари.

Маша вздрогнула от неожиданности, когда кучер осадил лошадей и рыдван, качнувшись немного вперёд, остановился перед зданием театра. Она взбежала по лестнице. Чьито знакомые руки обияли её. Это была Александра Ильинчна. Слёзы волнения стояли в её добрых глазах.

"Вертлявый, развязный блондин-парикмахер завил Маше волосы, подкрасил цёки, подвёл брови, провёл тушью под глазами. Маша взглянула в зеркало и не узнала себя. Неужели это была ота? На неё смотрело совсем чужое липо.

Толстая добродушная костюмерша надела

на неё какой-то старый голубой лиф, широкую, причудливого фасона юбку и повела к Медведевой.

Надежда Михайловна сидела перед зеркалом в своей уборной и гримировалась.

 А-а, Маша? – протянула она, увидев её в зеркале, и, медленно обернувшись, удивлённо оглядела с головы до ног: безобразный наряд делал неузнаваемой бедную дебютантку.

— Очень мило, очень мило! — сказала Мелведева, но не в силах была сдержать улыбку, впрочем, она тотчас же спохватилась, встретив страдальческий взгляд Маши, и, изяв со столика вуаль, приколола и ловко расправила её на ней. — Вот так, теперь хорошо. Так и иди, не снимай...

Та же толстая костюмёрша повела Машу за кулисы. По дороге им встретился Самарин. Он был уже в костюме Одоардо. Вероятно, у Маши был очень жалкий вид, потому что Самарин остановил её и заговорил ласковее обыкновенного.

 Ничего, — сказал он, — не надо робеть, всё сойдёт как нельзя лучше. Все мы когдато дебютировали. Главное — спокойствие!

Спектакль начался. Шёл первый акт. В нём Маша не была занята. Она сидела за кулисами и терпеливо ждала. Оцепенение нашло на неё. Со сцены допосились голоса ачтёров.

Первый акт кончился. Актёры расходились по своим уборным. На сцене рабочие меняли декорации, что-то двигали, бегали,

раздавался стук молотков.

Но вот начался второй акт. Маша слышала, как после антракта с шумом взвился тяжелый занарвес... Безумный страх овланся сю. Она вся задрожала, заплакала. Александра Ильинична, дрожавшая не меньше самой Маши, подвела её к кулисе. «Солонина» поднесла к её губам стакан воды.

Со сцены доносились голоса, но Маша уже ничего не могла разобрать. С невероятным усилием она прислушалась. Вот Одоардо— Самарин кончает: «Прощай, прощай же,

Клавдия!»

Кто-то легонько толкнул Машу в спину и в то же мгновение она была на сцене. Ей показалось, что она провалилась в какую-то пропасть. Вместо зрительного зала перед глазами её было огромное чёрное пятно, а впереди него каких-то два сияющих шара. Это была рампа.

«- Слава богу, слава богу! Теперь я в безопасности! Или он и сюда последовал за

мною? Нет, слава богу!»

Маша сама не знала, как хватило у неё сил произнести эти первые слова её роли. Раздались громкие аплодисменты.

«Что это значит, боже мой? — неясно подумала она и только в следующее мгновение поняла, что аплодисменты относились к

ней. - Какое счастье!»

И, точно по волшебству, страх мгновенно исчез. Казалось, она ощутила в себе какуюто таинственную силу. Она была уже не прежиня робкая девочка, она была актриса! Всё увереннее становились её движения, глубже звучал голос...

Она убежала за кулисы. Громкие аплодисменты и вызовы понеслись ей вслед.

В антракте прислонившись к старой, пыльной декорации, она рыдала счастливыми слезами. Вместе с нею плакала Александра Ильинична.

- Успех! - радостно восклицали немногие

машины доброжелатели.

Антракт близился к концу. Мимо Маши прошёл какой-то незнакомый ей человек, надушённый, с расчёсанными на прямой пробор, напомаженными волосами. Как хозяии, он посматривал вокруг, снисходительно отвечая на поклоны. Это был Пельт, управляющий конторой московских театров. В нескольких шагах от Маши он остановился, встретившись с актёром Вильде.

 Ну что, говорят, недурно? – спросил он. – Я запоздал немного. Не был ещё на

пектакле.

Да, очень недурно, — отвечал Вильде.
 Что же, по крайней мере, есть понимание?

- Даже больше: есть талант.

 Вот как? Ну что ж, очень рад! – он небрежно поднёс к глазам лорнет, разглядывая Машу.

А Маша стояла ни жива, ни мертва. «Талант! Есть талант!» Уж не осльшалась ли она? Нет, не ослышалась. Наконец-то произнесено это слово, о котором она осмеливалась мечтать только в далёких тайниках своей души!

Антракт окончился. Спектакль шёл своим чередом. Успех становился всё больше, а вместе с ним всё счастливее, восторженнее,

увереннее становилась Маша.

Вот и конец пятого акта. Эмилия остаётся со своим отцом Одоардо. Она уже знает, что жених её убит и что она во власти своего коварного похитителя принца Гонзаго. Она умоляет отца дать ей кинжал, чтобы избавиться от ожидающего её позора.

«- О батюшка, зачем вы ещё медлите? В прежние времена были примеры, когда отец, чтобы спасти свою дочь от позора, вонзал сталь в её сердце. Но это подвиги прежних времён. Таких отцов нет уже нынче!»

«- Есть ещё, дочь моя!» - отвечает Одоар-

до и закалывает её кинжалом.

 «Боже, что я сделал!» – в отчаянии восклицает он, поддерживая умирающую Эмилию.

«— Сломили стебель розы прежде, чем буря разнесла её лепестки по ветру,— отвечает она.— Дайте мне поцеловать эту отеческую руку».

Буря аплодисментов покрыла последние

слова.

После спектакля Машу вызвали двенадцать

Едва сознавая, что произошло, плача и смеясь от счастья, она тут же, на сцене, за занавесом, бросилась на грудь Одоардо—Самарина.

– Поздравляю, поздравляю, от души

рад, - сдержанно сказал Самарин.

Быть может, он был смущён, вспоминая свою ошибку в оценке дарования «суфлёрской дочки».

А Машу уже обнимали другие, на этот раз

настоящие отеческие руки.

— Ах, Машенька! Ах, дитя моё! Ах, Машенька! — задыхаясь, повторял Николай Алексевич, и радостные слёзы заливали его бледное, взволнованное лицо.

Подруги

Приближалась полночь. Быстро пустели узкие московские уллицы. Гулко отдавались на морозе шаги запоздалых прохожих. Погружено в типмину и объято сном было длинное двужуважное здание на углу Софийки и Неглинной. Тускло горели ночники в опустевших коридорах. Спали в своих дортуарах младшие воспитанницы, отдыхая от бескопечных балетных экзерсисов, спали старшие — пепиньерки — в своих отдельных комнатках, дремал швейцар Ефим, сидя на обычном месте и дожидаясь времени, когда можно будет запереть дверь и уйти в свою можно будет запереть дверь и уйти в свою

каморку под лествицей. И только в одном дортуаре никто не спал. Собравшись в тесный кружок у комода, подруги поджидали
Машеньку. Весь вечер провели они в томительном волиении. Их не взяли в театр, но всем серпцем они были с нею.

Вот уже семь часов, спектакль начался. Бедная Маша, как ей страшно! Вот кончился первый акт, ещё десять, пятнадцать минут... Маша уже на сцене! Как-то встретила её публика? Только бы не освистали! Нет, этого не может быть, Маша должна победить!

Время идет. Спектакль близится к концу. Вот начался питый акт. Девочки знали наизусть от начала до конца роль Эмилии. Им казалось, что они слышат знакомый, низкий, любимый голос:

«...Сломили стебель розы прежде, чем буря разнесла её лепестки по ветру...»

Ещё несколько минут. Спектакль кончился. Коть бы издали взглануть, что происходит теперь в театре! Актёры выходят, раскланиваются перед публикой. Ах, раздался ли коть один голос, вызвавший скромную воспитанницу Ермолову? А быть может, и не один? Быть может, весь зал рукоплещет и

со всех сторон несутся крики:
— Ермолова! Браво, Ермолова!

И актёры почтительно расступаются, пропуская вперёд их любимую подругу.

А быть может, наоборот? Нет, нет, лучше не думать! Ждать осталось недолго. Скоро, скоро услышат они скрип полозьев и энакомый старый рыдван остановится у подъезда. Маша вериётся – они узнают всё!

маща вернета» они узнаит вест они узнаит кест они в коридор, стараясь не заекрипеть половицами, не разбудить кого-нибудь из начальства. Но окна были покрыты таким толстым слоем льда, что, как они ни дышали на них, как ни отгирали озябшими пальцами, разглядеть сквозь них ничего не удавалось. Девочки посчереди взбирались на подконники, открыв форточку, выглядывали на улицу. Струя холодного воздуха врывалась в коридор, и не было видно ничего, кроме густого морозного тумана, от которого захватывало дыклание.

Вера Топольская не раз уже спускалась вниз к швейцару Ефиму, но возвращалась разочарованняя кареты не было и в помине. Воспитанницы присмирели и сидели тихо, тихо, не разговаривая больше друг с другом. Даже «балетные» — и те не спали.

- Едут! Честное слово, едут! - прошептала вдруг Варя-вторая, прислушиваясь; у неё был острый слух, она никогда не ошибалась.

Все приникли к окну. Прошло несколько мгновений. Теперь уже яспо слышались фырканье лошадей, окрик кучера. Заекрипела и хлопнула парадная дверь. Снизу донеслись приглушенные голоса Екатерины Ивановны и Ефима.

Выждав, пока удалились шаги классной дамы, девочки бросились навстречу Машеньке.

Румяная с мороза, с заиндевевшими волосами, точно сиянием окружавшими лицо, машенька быстро бежала вверх по лестнице. От неё веяло холодом, как будто всеёлый мороз ворвался вместе с нею с улицы.

- Маша, ну что?

Пельт небрежно поднял к глазам лорнет,

- Машенька, скорей рассказывай!

- Вызывали?

- Сколько раз? - Успех, да?

Подруги окружили Машу, засыпали вопросами.

— Девочки, милыс! — Маша нето смеялась, нето плакала. — Хорошо как, боже мой! Мороз, туман, на площади костры горят! Красота какая! Дорогие мои!

 Да ты нам не про костры, ты про дебют расскажи! — чуть не плача, молила Катя.

 Подождите, девицы, дайте ей дух перевести, раздеться, видите, она сама не своя, налетели все разом!

— Да, да, сейчас расскажу, боже мой!—
Маша засмеялась счастливым, таким необычным для неё смехом— Ах, девочки, дорогие
мои, родные мои, если бы вы только знали,
как я счастлиза, я счастливейший человек в
мире! Я мечтала, чтобы меня вызвали хоть
сдин раз. — меня вызвали двенадцать раз!

 Ура! – забывая о позднем времени и об спасности, вскричала Катя, и все наперерыв

бросились целовать Машу.

 Я тебе, тебе всем обязана, Катя! – говорила Маша, но Катя зажала ей рот рукою и стала целовать куда попало – в глаза, в нос, в щёки.

Ура! – повторила она. – Да здравствует актриса Ермолова!

 Ура! – приглушёнными голосами повторили остальные.

Была уже поздняя ночь, когда всё стихло в дортуаре. Воспитанницы крепко спали, укутавшись в казённые серые оделла. Не спала только Маша. Сидя на постели, при тусклом свете ночника она писала в своём дневнике.

«30-е января 1870 года.

День этот вписан в истории моей жизни такими же крупными буквами, как вот эти пифры, которые я сейчас написала. Сбылось то, о чем я пять дней тому назад не смела мечтать. Я актриса!»

Там, где было море

С. Юрьев.

Фото Е. Тиханова

Эти снимки рассказывают об одном походе, проведённом юными краеведами посёлка Рублёво, Московской области.

Наши путешественники только что подошли к долине Москвы-реки (фото вверку). Преподаватель географии Фёдор Павлович Калинин обвёл рукой горизонт и сказал:

— Всё, что вы видите перед собой, было когда-то дном большого моря, которое, как подсчитали учёные, шумело здесь около трёхсот миллионов лет тому назад. В том, что здесь действительно было море, вы скоро убедитесь сами. Идёмте!

...Скоро пришли к обрывистому склону, где из-под обрушенного верхнего слоя почвы выступал мощный пласт известняка. Как образуется известняк? Миллиарды крошечных живых существ населяют моря. Когда приходит срок, они умирают. Остатки их, содержащие дно. Слой известь, опускаются на микроскопических ракушек, скелетиков растёт тысячелетиями, уплотняется, превращается в камень. Известковый пласт, который увидели ребята, и служил доказательством того, что здесь когда-то было море.

Рафа Левит, Люся Демидова и Витя Кабанов стали специальными геологическими молотками отбивать куски породы и рассматривать их, стараясь найти окаменелость, нередко попадающуюся в известняке.

Вдруг раздался крик:

— Ой! Что это?

Все бросились к Майе Калининой, державшей большой кусок минерала, удиви-

тельно похожего на пчелиные соты. Это был редкий древний коралл. Кораллы растут только в теплых морях. Значит, в те времена, когда здесь пумело море, климат был не умеренный, как сейчас, а жаркий.

Пройдя ещё немного, ребята попали в Григорьевские карьеры, где разрабатываются залежи известняка. Они увидели, как рабочие взрывают известняк аммоналом, поднимают его транспортёром из карьера наверх и сбрасывают в вагонетки.

Известняк — это ещё только сырьё. Чтобы узнать, как он превращается в известь, юные исследователи уселись на эти вагонетки (фото вверху) и поехали вместе с добытой породой на известковый завод.

Здесь ребята увидели, как известняк закладывается в огромные печи и обжигается в них при температуре свыше 1000°. Во время обжига он превращается в негашёную известь. Ребята взяли ком такой извести и, выйдя на двор завода (фото внизу слева), облили его водой. Во-

да моментально закипела. Ком распался, превратившись в белый порошок. Это была уже гашёная известь. Тысячи тонн такой извести требуются ежегодно одной только Москве, где строятся сотни новых жилых домов, заводских корпусов, клубов, больниц и школ.

Вернувшись домой, краеведы принесли в школьный музей много новых интересных экспонатов: окаменелостей, кораллов и других образцов геологических пород. Люся Демидова взялась оформлять эти экспонаты для школьного музея.

Кран, шагающий по стройке

На стройке большого дома задолго до того, как из-за забора покажутся стены первого этажа, появляется огромный строительный кран. Он, как великан-журавль в гнезде, заботливо поворачивает свою стрелу то в один конец стройки, то в другой, поднося кирпичи, балки или ещё что-нибудь.

Такой кран называют башенным, потому что он состоит из двух частей: ажурной металлической башни, ростом в шесть этажей, и подвижной стрелы, укреплённой на верху башни. Весь кран похож на

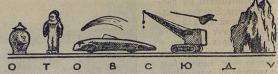
печатную букву Г.

От конца стрелы вниз спускаются стальные тросы с крюком на конце. К нему-то и прицепляют рабочие всё, что надо перенести.

Башенный кран - очень сложное сооружение. И чем выше башенный кран. TOM больше времени идёт на его сборку и разборку. Строители считают даже, что сооружать бащенные краны высотой более шести этажей просто невыгодно. Уж очень много хлопот с таким краном!

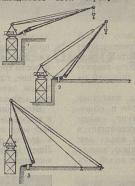
А нередко ведь строят и более высокие дома - в восемь, девять, десять этажей. Как тогда быть?

Инженер Д. И. Соколовский

взамен башенных кранов изобрёл новый кран, способный помогать строителям на любой высоте. Новый кран небольшого роста. Состоит он из маленькой башенки и стрелы. Стоя на земле, он может поднять груз только до второго этажа.

закидывает свою

второй этаж. Рабочие разбирают кран на две части. Отъединяют стрелу от башни и прикрепляют к балкам второго этажа. Стрела, лежащая на-, верху, на балках, сгибается, словно рука в локте. У стрелы есть для такого сгиба «сустав» - шарнир, - который сде-Ну, а выше как быть? Кран лан только на случай пересестрелу на ления. Когда стрела работает, поднимает тяжести, шарнир «заперт», и стрела не гнётся.

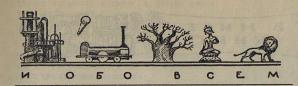
Теперь, когда стрела согнута, один конец её возвышается над вторым этажом. К этому концу привешивают тросы. Внизу их соединяют с башенкой, и она тоже переселяется на второй этаж. И вот обе части крана на втором этаже. Их собирают вместе, «запирают» шарнир – и кран готов к работе. А построят ещё два этажа, кран таким же образом переселится ещё выше. шагая через два этажа, он может забираться на любую высоту.

Новый кран уже работает на некоторых московских строй-

Г. Остроумов

Мурманские пионеры школьники изучают свой родной край. Во второй средней школе организована интересная выставка работ школьников-краеведов. На эту выставку школьники Кольской школы прислали электрифицированный макет «Будущая Кола», который вы видите на фотографии. Таким они хотят видеть в недалёком будущем свой город Колу - один из первых населённых пунктов Кольского полуострова.

Многоводный Каспий

Уровень Каспийского моря за последние десятилетия сильно понизился. На морских дорогах выросли новые мели, старые мели превратились в острова. остров Челекен стал полуостровом, а залив «Комсомолеи». отрезанный мелью, превратился боль-

шое пустынное озеро.

Советские учёные и инженеры взялись «лечить» мелеюнашли причину болезни. Причина была не в знойных лучах южного солнца, не в сухих ветрах, налетающих с песков Кара-Кумской пустыни, а далеко на севере, в Арктике, там, где роштормы...

В начале тридцатых годов в Арктике стало теплее. Резко уменьшились снегопады в северных районах нашей огромной страны, и тысячи рек, речушек и ручейков, сбегающих к Волге и к Уралу, стали приносить меньше воды в Каспий.

Лекарство учёные нашли там, откуда пришла болезнь, - на севере. Там есть немало рек, без всякой пользы отдающих свою воду полярным морям. Нельзя ли повернуть их на юг?

Недалеко от «Рыбинского моря», созданного руками советских людей, есть озёра Лача и Воже. Их поднимут, соединят в одно, и направят воду в реку Шексну. Шексна станет судоходной, а Волга получит добавку - шесть кубических километров воды в год - и доставит эту воду Каспию.

Реки Печору и Вычегду можно повернуть на юг. Для этого придётся перегородить эти реки плотинами, соединить новые рекам Южной Мылве и Северной и Южной Келтме перебросить воду в Каму.

Кроме того нужно провести строгий режим экономии в самом Каспии: нужно сократить величину Каспия. Тогда уменьшится испарение воды его поверхностью. Возможно ли это? Оказалось, что и это возможно! Если отсечь узкой ласт.

Н. Андреев

Ботаники на Тянь-Шане

Один знаменитый ботаник сказал, что тот, кому хоть раз посчастливилось видеть альпийские лужайки, никогда уже не забудет этого зрелища. Не успеет стаять снег, как влажная почва сплошь покрывается фиалками и голубоватыми шарами подснежной купальницы. Это первые вестники весны. Затем распускаются на смену друг другу розовые астры, разноцветные тюльпаны, золотистоогненные альпийские маки, яркосиние генцианы.

Невесело жить на высоте трёх тысяч метров. Даже в июле там стоят морозные ночи; лепестки цветов промерзают насквозь и делаются хрупкими, как стекло. Но цветы упрямо растут напеводохранилища каналами и по рекор холоду, пока весёлые

пёстрые лужайки не покроет

В горы Тянь-Шаня направилась эскпедиция Главного ботанического сада Академии наук СССР. Учёные разбили свои палатки около самого снега, над пропастью. По утрам они рубили лёд топором и растапливали его на костре, чтобы умыться, днём собирали коренья и семена диких цветов, а в сумерки согревались у костра, кутаясь в ватники от пронизывающего, как в январе, ветра.

В Главном ботаническом саду можно будет увидеть растительность всего земного Здесь собраны богатые коллекции роз, георгин, тюльпанов, тропических орхидей, эвкалип-

тов, пальм.

Вы встретитесь там и с чуплотиной от моря залив Кара- десными растениями, добыты-Богаз, расход воды в Каспии ми на Тянь-Шане. Там будут сократится на двадцать два ку- эфироносные растения. Стоит бических километра в год. Но и поднести спичку к эфироносу. этого мало. Чтобы спасти море, как воздух вокруг вспыхивает придётся пожертвовать заливом лиловым пламенем. Видел ли «Комсомолец». Этот залив еже- кто-нибудь из вас лук высогодно высасывает из моря де- той в рост человека? Ботаники щий Каспий. Прежде всего они сять кубических километров во- нашли его на дне глубокого ды. Можно ли терпеть такую ущелья, спустившись по килорастрату? Конечно, нельзя. И метровому склону, крутому, если бы волны пробили мель, как пожарная лестница. Этот отгородившую этот залив от мо- чудесный лук вкуснее и питаря, тогда нужно было бы скорее тельнее употребляемых нами затыкать пробоину, спасать культурных луков. Ботаники дятся холодные туманы и тяжё- прагоценную каспийскую воду... привезли съедобные клубни лые снеговые тучи, где трещат Богатому Каспийскому морю «алги», которые местное насеморозы и бушуют ледовые советский народ сохнуть не ление собирает по склонам гор (их употребляют в пищу вместо картофеля), и коренастый можжевельник «арча», живуший три тысячелетия, и растения, похожие на зелёные колючие подушки.

Но экспедиции Ботанического сала собирают растения не только для сада, многие из них переселятся в скверы и парки. Пройдёт немного лет - и улицы Москвы станут неузнаваемы. Они превратятся в аллеи. На улицах, вдоль тротуаров, на площадях и в новых скверах запестреют душистые цветники.

Вс. Ильинский

Белинский о детском чтении

«Книга есть жизнь нашего времени. В ней все нуждаются — и старые, и молодые, и деловые, и ничего не делающие; дети — также. Всё дело в выборе книг для них», — так писал великий русский критик Белинский.

Но что же можно читать детям, спрашивает он. В нескольких статьях и многих рецензиах на детские книги Белинский определил круг детского чтения. Огромное значение придавал он родной литературе.

Во времена Белинского в дворянских семьях дети обучались французскому языку раньше, чем русскому, всеобщую историю и литературу изучали прежде отечественной.

«Часто не только юноши, но и дети, — писал Белінский, — знают наизусть отрывки из трагедий Корнеля и Расина и умеют пересказать десяток анекдотов о Генрихе IV, о Людовике XIV, а между тем не имеют понятия о сокровищах своей народной поэзии, о русской литературе, и разве от дядек и мамок узнают, что был на Руси вели-

кий царь — Пётр І. Давайте детям больше и больше созерцания общего, человеческого, мирового; но шреимущественно
старайтесь знакомить их с
этим через родные и национальные явления: шусть они
сперва узнают не только о
Петре Великом, но и о Иоянне III, чем о Генрихах, Карлах
и Наполеонах. Общее является
только в частном: кто не шринадлежит своему отечеству,
то не принадлежит и человечеству».

Народное творчество, народные сказки и песни — вот с чего, по мнению Белинского, должно начинаться детское чтение. В те времена был только один сборими песен и былим, составленный Киршей Даниловым. После смерти Бе-

линского учёные записали тысячи народных сказок и несен. Сейчас в нашем распоражении целая сокровищница народного творчества. Лучшие русские учёные, педагоги и писатели отобрали и обработали эти сказки для детей. С этих сборников вы и должин начать своё знакомство с народным творчеством.

Народные сказки вдохновляли русских писателей и поэтов. Уже во времена Белинского были написаны сказки по народным мотивам, и он советовал их лля чтения летям.

«Давайте им, —писал Белинский, —некоторые из народных сказок Пушкина, как, например, «Сказка о рыбаке и рыбке», которые при высокой поэзии отличаются, по причине своей бесконечной народности, доступностью для всех возрастов и сословий и заключают в себе правственную идею».

Очень ценил и любил Белинский сказки Владимира Фёдоровича Одоевского, который писал под именем «Дедушки Иринея». «...В настоящее время,— писал Белинской,— русские дети имеют

для себя в дедушке Иринее такого писателя, когорому позавидовали бы дети всех наций». Вольше других сказок Одоевского любил Белинский сказку «Городок в табакерке». Эта сказка переиздаётся и сейчас, вы можете услышать её и по радио.

После сказок Белинский рекомендовал читать басни, особенно пенил он Крылова.

«Из сотинений, писанных для всех возрастов, давайте «Васни» Крылова, в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие пленительные поотические образы, и всё так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа».

И теперь по басням Крылова учимся мы родному языку,

Рисунок И. Я. Билибина к поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

учимся житейской мудрости и узнаём многое о той жизни, которая была по нас.

Дети должны, по мнению Белинского, читать все лучшие произведения русской литературы.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь были современниками Белинского. О них тогда ещё спорили. Великая заслуга Белинского в том, что эти писатели стали признанными классиками.

«Пушкин... — писал он, —навсегда останется великим, образновым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этими словами бесконечное уважение к достоинствам человека... Придёт время, когда потомство воздвигнет ему вековечный памятник». И это время пришло, Пушкину воздвигнуты памятники не только из бронзы: ему воздвигнут памятник в сердце русского народа. Пушкин стал народным поэтом.

Ещё по выхола «Ревизора» и «Мёртвых душ» Белинский отметил удивительный талант Гоголя. Когда появились «Вечера на хуторе близ Диканьки», книга рассказов, полных жизни и поэзии, Белинский писал:

«Читайте его «Майскую ночь», читайте её в зимний вечер у пылающего камелька, и вы забудете о зиме с её морозами и метелями; вам будет чулиться эта светлая, прозрачная ночь благословенного юга, полная чудес и тайн; вам будет чулиться эта южная, бледная красавица, жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище, с одним растворённым окном, это пустынное озеро, на тихих водах которого играют лучи месяца, на зелёных берегах которого пляшут вереницы бесплотных красавии...»

И вы, ребята, начинайте своё знакомство с Гоголем с «Вечеров на хуторе близ Диканьки»,

затем читайте «Миргород», а уж потом — «Ревизор» и «Мёртвые души».

В 1838 году во второстепенном журнальчике была напечатана без имени автора «Песня о купце Калашникове». С гениальной чуткостью Белинский распознал талант молодого поэта и сразу же написал: «Не знаем имени автора этой песни... Но если это первый опыт мололого автора, то не боимся попасть лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование».

Белинский с восторгом встречает каждое новое стихотворение Лермонтова.

Рисунок В. Серова к басне Крылова «Волк и Журавль».

«Какой роскошный талант! Право, в нём таигся что-то великое!» — восклинает он в одном письме. «На Руси явилось новое могучее дарование — Лермонтов!» — пишет он в другой раз.

После смерти Лермонтова Белинский писал о романе «Герой нашего времени»:

«Вот книга, которой суждено никогда не стареться, потому что, при самом рождении её, она была вспрыснута живой водою поэзии! Эта старая книга всегда будет нова... Перечитывая вновь «Героя нашего времени», невольно уливляещься, как всё в нём просто, легко, обыкновенно и в то же время так проникнуто жизнью, мыслыю, так широко, глубоко, возвышенно...»

Приветствуя третье издание книги, он говорит: «Никто и ничто не помещает её холу и расходу — пока не разойлётся она по последнего экземпляра; тогда она выйдет четвёртым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком».

Великие русские писатели Крылов, Пушкин,

Гоголь и Лермонтов - и до сих пор те самые писатели, с которых мы начинаем знакомство с великой русской литературой. Но Белинский умер сто лет назад. Русская литература стала великой и богатой. Многие русские писатели — Некрасов, Тургенев, Толстой, Чехов, Горький — написали замечательные книги, знакомиться с которыми надо с детства.

Читайте произведения русских классиков, читайте и книги современных советских писателей. Любите русскую литературу так, как любил её гениальный русский критик Виссарион Григорьевич Белинский.

Рисунок Е. Кибрика к повести Гоголя «Тарас Бульба»,

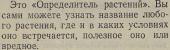
И. Халтирин

«Школьный определитель растений»

Это особенная книга, её нельзя читать, как обычные книги. Её читают, пропуская строчки и целые страницы, как это делают плохие читатели обычных книг.

Что же это за книга?

Но растений в природе очень много. Неужели их все нужно знать? Конечно, нет. Пользуясь «Определителем», вы узнаете наиболее распространённые у нас растения.

Представьте себя в обществе детей, говорящих на неизвестном вам языке и играющих в незнакомую вам игру. Им весело, они болтают и смеются, а вам скучно и неинтерес-

Так и в природе. Когда мы не знаем растений, мы идём по лугу или лесу, как слепые, не видя их. Для нас все злаки и осоки - «трава», все двудольные растения - «цветы». И мы проходим мимо, не узнавая о них ничего.

Совсем другое дело, когда мы

знаем растения. Увидев своих «знакомых» в природе, мы обязательно посмотрим на них, увидим, в каких местах они растут, много их или мало, и так незаметно для себя изучим состав растений в лесу, на лугу, на поле. Узнаем, какие из них растут в тени, какие - на солнышке, какие живут в сырых местах, а какие — прямо в воде. Узнаем, почему так разнообразно строение растений.

«Школьный определитель растений» Быстрова и Крубера — ценная книга. Большое количество иллюстраций и дополнительные таблицы для определения по листьям наиболее распространённых деревьев и кустарников помогут вам и в школе и в самостоятельной работе. Очень пригодится вам эта книга в пионерском лагере.

Определять растения не так легко, особенно, когда это делаешь впервые. Это требует терпения и большого внимания. Определение растений поможет вам развивать наблюдательность, вырабатывать терпение и силу воли.

вы из повести Л. Тыня-Филипповского Орьев. Фото Е. Тиханова 34 Јехтерёва. Рис. В. Кон-. III и IV пол. обл.

СОДЕРЖАНИЕ

У пионерского костра — Стихи Юрия Яковлева. Рис. В. Цельмера 1 от 1. Побурка — Расская и рисунки Георгия Бударова. 3 . Земля в цвету — В. Сафонов 9 . Наша почта 13 .	Юность актрисы. — Гла новой (окончание). Рис. Там, где было море. — С. Отовсюду и обо всём.
Песок. — Рассказ Ю. Сотника. Рис. Е. Ребиковой 18 "	В мире книг
Игоает вся команда. — Н. Розенкноп. Рис.	Обитатели пруда. — Л.,
Я. Титова	стантинова

На обложке: картина П. Кузьмичёва "На волжском буксире".

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

	Адрес редакции: Москва	, улица «Правды», 24	, комната 566, тел. Д 3-30-73.	
Подписано к п	печати 15/VII—48 г.	Изд. № 553.	82×110.	1/16 бум. листа
A — 06611.	76 999 печ. зн. в печ	. листе. 5 печ. л.	Тираж — 58 000.	Заказ 1531.

Обитатели пруда

Л. Дехтерёва

Загляните, прежде чем читать эту страничку, на четвёртую полосу обложки и внимательно рассмотрите животных, нарисованных там. Все они живут в прудах и других пресных водоёмах. Многих из них вы, наверно, знаете, а тех, кто незнаком вам, постарайтесь найти и рассмотреть, когда попадёте за город.

Посидите тихо у воды и понаблюдайте. Вы увидите водомерку, легко скользящую по поверхности воды, как конькобежец по льду, личинку стрекозы, которая на ваших глазах постепенно превратится в стрекозу. Вот личинка медленно выползла из воды на стебелёк травы. На спине у неё лопается кожа и появляется головка стрекозы, а затем медленно высвобождается и вся стрекоза. Она долго сидит неподвижно с бледными, бессильными крылышками. Крылья под действием солнечных лучей окрашиваются — и вдруг стрекоза срывается со стебелька и улетает.

Глубоко на дне можно рассмотреть крупные двустворчатые ракушки беззубок. Вы, наверно, находили пустые створки ракушек, покрытые изнутри блестящим перламутром. В проточных водах встречаются и лужанки - крупные улитки со спирально завитой раковиной.

Посмотрите, как много в воде разноцветных водяных клещей: красных и коричневых. Они плавают, быстро перебирая ножками, покрытыми рядами длинных щетинок.

А что это за странное насекомое плывёт брюшком кверху? Это гладыш -водяной клоп. Большими красными глазами, которые у него находятся на спине, гладыш высматривает добычу на дне пруда и плывёт к ней брюшком кверху.

Поймайте водяного клопика скрипучку и посадите его в аквариум. Вы услышите звуки, похожие на стрекотание. Это скрипучка, уцепившись задними лапками за растение, передними трёт по хоботку.

В воде вы увидите множество различных личинок, может быть, вам попадутся гусеницы водяных бабочек огневок — они

тоже живут в воде.

Глядите, кто это носится по воде, описывая круги и спирали? Какие-то крохотные существа, сверкающие на солнце металлическим блеском. Это жуки вертячки. Поймать вертячку сачком очень трудно: как только к ней приблизишься, — она нырнёт. Если вам всё-таки удастся поймать этого иссиня-чёрного маленького жучка, пустите его в стакан с водой. Вертячка тотчас же нырнёт, увлекая за собой на заднем конце брюшка блестящий пузырёк воздуха, которым жучок-дышит под водой. Так дышит не только вертячка, но и многие водяные жители: гладыш, скрипучка и другие.

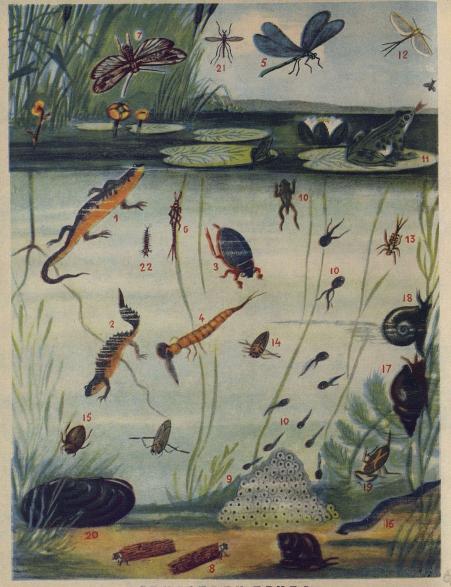
В ваш сачок могут попасть и другие жуки: небольшой жучок плавунчик-полоскун или крупный жук плавунец. Только не пускайте его в аквариум. Этот хищник наделает немало бед. Плавунец поедает не только мелких животных, но даже на-

падает на рыб и тритонов.

Я не буду рассказывать вам подробно обо всём, что вы увидите в пруду.

Если вы станете наблюдать за жизнью его обитателей, вы сами сможете рассказать много интересного. Записи своих наблюдений и зарисовки присылайте к нам в редакцию.

обитатели пруда